

АНТИЧНЫЙ
МИР

РИМСКАЯ ГАЛЛИЯ

Нюма-Дени
Фюстель
де Куланж

Античный мир

Нюма-Дени Фюстель де Куланж

Римская Галлия

«ВЕЧЕ»

1889

Фюстель де Куланж Н.

Римская Галлия / Н. Фюстель де Куланж — «ВЕЧЕ»,
1889 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-8632-6

В настоящем издании представлен первый том знаменитого труда «История общественного строя древней Франции», принадлежащего перу выдающегося французского историка Нюма-Дени Фюстель де Куланжа (1830–1889). Книга посвящена Древней Галлии, прежде раздробленной, а после подчиненной и объединенной Римом. Автор подробно рассматривает состояние Галлии до римского завоевания и ее политическое устройство в первые три века императорского владычества. На русском языке книга де Куланжа вышла в 1901 г. под редакцией историка М.И. Гревса.

ISBN 978-5-4484-8632-6

© Фюстель де Куланж Н., 1889
© ВЕЧЕ, 1889

Содержание

Предисловие к русскому переводу	6
I. Дело Фюстеля де Куланжа (из отзыва Французского Института)	13
II. Предисловие К. Жюллиана (к 3-му изданию I тома)	15
III. Предисловие автора (к 1-му изданию)	17
Книга первая	19
Глава первая	19
Глава вторая	23
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Нюма-Дени Фюстель де Куланж

Римская Галлия

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

Предисловие к русскому переводу (от редактора)

Знаменитое во Франции, хорошо известное на Западе вообще, а также у нас и само по себе замечательное сочинение Фюстеля де Куланжа (*Fustel de Coulanges*) – «*Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*» – долго ждало русского перевода. В современной литературе всех образованных народов прочно утвердился обычай как бы переносить к себе великие произведения научного и художественного гения других наций, передавая их на родном языке. Так удастся тесно вводить их в число непосредственных орудий просвещения, доступных для большинства членов культурной части общества и юных поколений. Практика переводов особенно широко развилась и продолжает развиваться у нас: самое положение нашей образованности среди других и наша сравнительная интеллектуальная юность побуждает нас черпать в глубоком и превосходном источнике западной науки и западной поэзии обильные и разнообразные элементы цивилизации и вдохновения. Нельзя, конечно, всегда одобрить выбор сочинений, появляющихся в русском переводе; иногда может даже показаться не вполне нормальным самый факт появления на русском языке такого множества нередко второстепенных и третьестепенных, часто даже прямо плохих иностранных книг. Но следует считать совершенно правильным стремление каждой национальной литературы как бы приобщать к своим духовным сокровищам чужие классические или просто крупные образцы, украшающие различные области знания и творчества.

Фюстель де Куланж, без всякого сомнения, принадлежит к числу таких первоклассных умов, работа которых могущественным образом двигает не только успехи избираемой ими отрасли науки, но и общее развитие идей и теоретического мышления. Один беспристрастный французский критик сравнивает влияние этого ученого на прогресс науки в области истории и общей методологии с тем, какое принадлежало деятельности *Монтескье* в прошлом веке¹. Наш замечательный историк, московский профессор *П.Г. Виноградов*, вообще довольно строго относящийся к «итогам и приемам» работы высокодаровитого французского ученого, тем не менее прямо говорит следующее: «С тремя именами связано представительство Франции в современной исторической науке: „Жизнь Иисуса“ Ренана, „Происхождение современной Франции“ Тэна и „Гражданская община античного мира“ Фюстеля де Куланжа известны более или менее всем образованным людям. Успех последней книги, может быть, наиболее достоин замечания. Она стоит вдали от жгучих вопросов настоящего и, тем не менее, вызвала интерес среди обширной публики и существенно повлияла на ее взгляды. Тайна такого успеха не во внешних достоинствах только; изящество, ясность изложения, стройность аргументации сами по себе недостаточны для того, чтобы объяснить эту выходящую из ряда и весьма прочную популярность: преимущества формы тесно связаны в данном случае с богатством содержания»².

Общеввропейскую известность завоевало Фюстелю де Куланжу именно это первое его сочинение общего характера – «*La cité antique*» (вышедшее в 1864 г. и потом переведенное на все европейские языки)³.

Второй капитальный труд Фюстеля де Куланжа, составлявший для него самую важную и дорогую задачу жизни – «*История общественного строя древней Франции*», – изучался за пределами родины историка гораздо меньше или, вернее, менее спокойно и доброжелательно, чем вышеназванная его работа по древней истории и, может быть, потому ценится там не так

¹ См. некролог Фюстеля де Куланжа в «*Revue Historique*», 1889, nov.-déc.

² «Русская мысль», 1890, январь.

³ Специально в России книга эта вызвала три перевода.

высоко, как должно. Между тем в нем и в многочисленных специальных «разысканиях», располагающихся около него в качестве подготовительных к нему работ и дополняющих его этюдов, лежит самая главная сущность великой ученой, научной и идейной заслуги автора, как реально (по содержанию), так и формально (по методу); в нем заключаются самые капитальные по новизне и значению результаты его, можно сказать, реформаторской в науке деятельности. Здесь проявляется во всей полноте громадный талант и поразительная эрудиция автора; здесь познаются все созданные или самостоятельно поставленные им приемы исследования; здесь же рядом открываются те своеобразности его мировоззрения и способов работы, которые должны пробуждать в читателе критическую мысль.

Блестящие и могучие свойства исключительного ученого и писательского таланта Фюстеля де Куланжа не могли не производить яркого, глубокого и неотразимого впечатления на тех, в чьи руки прежде всего попадали его книги, то есть представителей ученого, а потом вообще образованного мира. Они действительно вызывали горячее увлечение или страстный протест, но вряд ли могли они оставить равнодушным сколько-нибудь чуткого и заинтересованного наукой читателя, не говоря уже об историках по призванию. В силу этого деятельность его должна была породить большое возбуждение мысли и работы, и он сам сделался вдохновителем разнообразных научных начинаний. Широкая постановка задачи исследования, всегда освещавшаяся общеисторической точкой зрения, опиралась у Фюстеля де Куланжа на колоссальную массу знаний, которыми он располагал, как господин. Выдающиеся качества ученого дарования историка, соединенные с неуклонным стремлением его постоянно и систематически пользоваться своею замечательною эрудициею для твердого и полного обоснования своих взглядов и выводов, поддержанные сильно и глубоко выраженной природною склонностью строить новые гипотезы, вырабатывать новые методы, естественно ставят его в положение главы, если не новой исторической школы, то особой ярко и самостоятельно окрашенной группы искателей и истолкователей прошлого. Сила и прочность влияния его крупной индивидуальности во много раз увеличивалась тем, что он развивал свои идеи не только путем печати в превосходных сочинениях, но и с помощью живого и красноречивого слова с профессорской кафедры, продолжительным авторитетным преподаванием⁴ и плодотворным научным руководством. Но вместе с тем теории Фюстеля де Куланжа носят на себе печать такой острой личной оригинальности, и они настолько противоречат ходячим мнениям; он выражает кроме того свои взгляды настолько смело и резко, не опасаясь обвинения в односторонности, не избегая жестоких нападок на противников и не страшась жаркой полемики с ними, не щадя самолюбия несогласных; он настолько твердо верит в непоколебимую истину своих взглядов после того, как выковал их на огне долгого, упорного, проникательного исследования и как будто так властно требует принятия их, что деятельность его не могла привести лишь к образованию около него круга преданных учеников и убежденных адептов, которые привлекались силою его влияния к продолжению его трудов и разработке его идей. Он должен был также сплотить против себя представителей противоположных доктрин и приемов, направлений и вкусов для критики его сочинений, опровержения его теорий, борьбы против распространения его воззрений.

Указанными главными особенностями научной физиономии Фюстеля де Куланжа и его идейного темперамента предопределялось место, которое он должен был занять в новейшей европейской историографии. Всего непосредственнее и быстрее, сильнее и шире должен он был повлиять на содержание и ход развития французской исторической науки. Здесь он действительно является первоклассным двигателем, обновителем гипотез и методов, великим новатором, несомненным главою новейшей французской исторической школы строгого тек-

⁴ Фюстель де Куланж начал свою преподавательскую деятельность в Страсбурге еще до отобрания этого города у Франции в 1871 г., потом был профессором средневековой истории в Сорбонне и директором парижской Ecole Normale Supérieure.

стуального изучения прошлого человечества и генетического построения эволюции его культуры. Можно сказать, что в современном (уже стареющем) поколении французских историков большая часть видных талантов и замечательных исследователей являются либо прямыми учениками Фюстеля де Куланжа, либо так или иначе находятся в зависимости от его ученых воззрений. Даже те из них, которые особенно резко расходятся с ними и идут по несколько иным путям, чем указанные им, или которые подвергались с его стороны особенно суровым нападениям, – все с почтением отдают ему первое место среди новейших французских историков и признают, что сами многому научились у него⁵. Такая оценка заслуги Фюстель де Куланжа нашла уже после смерти великого историка торжественную санкцию в решении высшего учебного учреждения Франции, так называемого Института, почтить «дело Фюстель де Куланжа» большой премией⁶.

Все причастные к исторической науке люди в ученом мире других культурных наций Европы, конечно, также знают работы Фюстеля де Куланжа по истории средневекового общественного строя. Их читали с интересом и вниманием, когда они появились впервые. Но были обстоятельства, которые помешали здесь вырасти тому увлечению научными построениями великого мастера, которым охвачена была значительная часть не только ученого, но и просто интеллигентного французского общества. Отчасти вина тут лежит на самом авторе. Исключительность некоторых его идей, которые ставятся притом слишком резко и проводятся слишком далеко, причем тем легче обнаруживается то, что в них есть по существу преувеличенного, одностороннего или даже ложного, а в обосновании их неправильного, искусственного, иногда насильственного, – именно эта исключительность возбуждала сомнение в верности его выводов; непримиримое отрицание теорий, казавшихся до него общепризнанными, и нередко горделивое отношение к их авторам или сторонникам вызывали недовольство и оскорбление.

Отмеченные здесь крайности были причиной известной реакции против идей и направления, которые хотел провести и основать Фюстель де Куланж. Они, таким образом, значительно сузили сферу его научного воздействия; они обусловили в других странах либо сдержанную оценку его роли в науке и скептическое отношение к его выводам и потому недостаточное пользование результатами его работы, либо даже враждебное отрицание серьезного значения за его трудами. Больше всего оценили положительные стороны приемов и итогов работы Фюстеля де Куланжа английские историки, особенно же определенную антипатию к деятельности его выказали представители немецкой историографии. Отношение это воплотилось, однако, не в систематическом опровержении гипотез автора и доказательстве ошибочности его метода, а в последовательном замалчивании его сочинений и выводов или почти голословном утверждении о ненаучности его работы. Такое беспокойное и вследствие этого несправедливое отношение к Фюстелю де Куланжу в Германии не может объясняться только научными мотивами, кроющимися в его собственных недостатках; здесь сильно и пристрастно действовали патриотические предубеждения. Фюстель де Куланж разрушал в своих теориях без всякого сожаления излюбленную немецкой школой идею о первенствующей роли германского начала в процессе создания культуры новоевропейских народов; он круто обходился со взглядами непререкаемых в Германии ученых авторитетов, слишком мало, казалось, ценя работу почтенных для них и всеми признанных ученых; это заставило немецкую школу закрыть глаза на всё, что было замечательного в таланте Фюстеля де Куланжа нового, верного и крупного в добытых им результатах. Только немногие в Германии отдали ему должную честь и воспользовались тем, что он сделал⁷.

⁵ См., например, беспристрастную и благородную заметку о трудах Фюстеля де Куланжа, написанную после его смерти Габриэлем Моно (*Monod*), которого он резко и, надо сказать, несправедливо обвинял в непонимании истинно научного метода истории в *Rev. Hist* 1889, nov.-déc.

⁶ Ниже приложен перевод мотивированного постановления Института об этом.

⁷ Так, например, резко отрицательно высказались не только по отношению к результатам работы Фюстеля де Куланжа, но и

Теперь время первого впечатления давно прошло, страсти могут успокоиться, обиженное чувство улечься, национальное пристрастие заметить свою несправедливость. Недостатки Фюстеля де Куланжа подмечены и определены; относясь к ним с критической осторожностью, можно беспрепятственно пользоваться тем огромным материалом, который он дает, и тем превосходным построением, открывающим необъятные и светлые горизонты, которое создано его трудом и талантом. Обязанность всякого научного деятеля, который сам многому научился у Фюстеля де Куланжа, заботиться о сближении с ним всякого интересующегося исторической наукой. С радостью принимаясь за обработку русского перевода его главного сочинения – «История общественного строя древней Франции», редактор этого перевода, по мере сил, стремится выполнить часть такого долга по отношению к автору и к русской читающей публике. Рекомендую последней этот перевод, он не задастся целью в настоящей краткой заметке характеризовать деятельность Фюстеля де Куланжа, хотя бы с некоторых сторон. Он только обращает внимание на великое значение этого труда, надеясь впоследствии представить специальный этюд, посвященный знаменитому французскому историку⁸. Теперь для общего знакомства с его личностью, идеями и работой лучше всего обращаться к небольшой книге одного из ближайших учеников его – *Paul Guiraud*, «Fustel de Coulanges» (Paris, 1896): это самое полное обозрение его деятельности, написанное обстоятельно, дающее правильное понятие об авторе, проникнутое сочувствием и благоговением к учителю, но чуждое пристрастия и панегиризма⁹.

Однако, чтобы хоть несколько ввести читателей в ознакомление с большим трудом Фюстеля де Куланжа, следует указать, по крайней мере в двух словах, ту идею, которая составляет его основной фон и главную двигательную силу. Известно, что еще в конце прошлого века возникла знаменитая ученая контрверза о том, из какого источника вышла древняя культура современных европейских народов – из римского или германского. Так образовались две большие школы – *романистов* и *германистов*, представители которых наперерыв доказывали преобладание и торжество того или другого расового влияния в процессе сложения социального строя и духовного развития Европы, и из этого преобладания и торжества делали вывод о преимуществе германского или романского «духа». Много было ненаучного в теориях старых германистов и романистов; но спор их тем не менее двигал науку плодотворно и успешно, ставя вопросы и постепенно выясняя их во взаимной борьбе двух школ. В европейской историографии попеременно одерживали верх то одно, то другое воззрение, причем строгость метода и научная ясность и «историчность» теорий мало-помалу прогрессировали, очищаясь от неопределенности, метафизической отвлеченности и патриотических предрассудков. В ту эпоху, когда выступал с своими исследованиями Фюстель де Куланж, несомненное господство в ученой литературе принадлежало взглядам германистов, получившим большую научную твердость и серьезный авторитет в капитальных трудах Вайтца и Рота и солидных работах тех групп преимущественно немецких историков и юристов, которые к ним примыкали, – Фюстель де Куланж снова с громадной силою поставил на очередь идею о великой исторической роли римской традиции, как средство найти ответ на коренной вопрос о связи между «Древним» и «Новым» миром. Но этот «новый романизм» рисуется в его замечательных трудах не как возрожденное учение о победе в истории культурных народов европейского Запада одного расового начала над другим, учение, которое само по себе более или менее сомнительно. То, что было «романизмом» у предшественников Фюстеля де Куланжа, вырастает у

по отношению к научности ее приемов такие выдающиеся вожди немецкой исторической школы, как *Georg Баймц* (Gesammelte Abhandlungen, p. 597) и *Г. Бруннер* (Deutsche Rechtsgeschichte, II, 2).

⁸ См. краткое указание на значение Фюстеля де Куланжа и его заслугу в изучении социальной истории римского мира в книге *И.М. Гревса* «Очерки из истории римского землевладения», т. I, с. XVI; 22–28; 604–607. (СПб., 1899). – Оттуда взят отрывок и для настоящего предисловия.

⁹ Эта хорошая книга вполне доступна у нас благодаря тому, что переведена на русский язык (в Москве в 1898 г. изд. тов. «Книжное Дело»).

него в широкую концепцию о непрерывности исторического развития европейских народов, в великую идею о живучести могучего культурного предания и о необходимости торжества его над варварством. Эта теория в таком переработанном виде впервые применена была знаменитым автором с полным и блистательным успехом к истолкованию общего хода и внутренней сущности одного из самых трудных кризисов в истории человечества. Он проводит с редкой силой и нередко с победоносной убедительностью решительный тезис о глубине и продолжительности влияния форм и институтов общественного строя, которые сложились в римском мире, на дальнейшую эволюцию европейских государств.

Таким образом, *романизм* Фюстеля де Куланжа является действительно признаком *культурным*, а не *расовым*, и он гораздо лучше и глубже способствует достоверному и полному («историческому») проведению и осуществлению принципов эволюционного изучения и понятия о генезисе, чем старая теория, которая носит это имя.

Именно поэтому его «романизм» совсем не похож на «германизм» его противников не только по содержанию самой гипотезы, но и по основным чертам, составляющим ее природу. Автор отчетливо заявляет, что не выводит *средневекового* строя из одних *римских* корней, но изображает его *сложным* результатом развития и перерождения *древних* начал в *новой* исторической среде, под *новыми* влияниями, возникшими и выросшими с течением времен¹⁰. Он только сравнительно мало видит в этих новых влияниях «специфически германских» положительных элементов.

Сущность взглядов и метода Фюстеля де Куланжа лучше всего обнаружится из чтения и изучения именно его «Истории общественного строя древней Франции». Самое великое здание будет говорить за себя; кроме того автор, создавая его, постоянно высказывает множество общих и частных замечаний принципиального характера, которые разъясняют его воззрения на историю и обязанность историка. Но, для того чтобы читатель составил себе предварительное суждение о том, как автор сам смотрел на план и задачу своего сочинения, полезно здесь напомнить то, что он говорил во введении, которое предпослал первому тому его при первом появлении в свете.

Фюстель де Куланж задается здесь целью сделать для истории французских учреждений то же, что сделал раньше для греко-римских. Он находит, во-первых, ту же основную черту, регулирующую развитие, какую отыскал и формулировал в последних. Если смотреть на них издали, они рисуются ненормальными, их движение – насильственным; но если изучать их вблизи, обнаружится, что в происхождении их нет ничего случайного, в их росте – ничего произвольного.

«Учреждения, – говорит он, – никогда не являются делом воли одного человека, даже воли целого народа недостаточно для их образования. Факты человеческой жизни, которые их производят, не принадлежат к числу тех, которые могут быть изменены по капризу одного поколения. Народы управляются не так, как им нравится, а как того требует совокупность их интересов».

Фюстель де Куланж предполагал, начиная изучение истории общественного строя древней Франции с эпохи возникновения франкского королевства на почве романизованной Галлии, довести ее до 1789 года, объединив, таким образом, в одно стройное целое все долгое прошлое Франции.

Он наблюдает в процессе эволюции общественного строя Франции от падения Римской империи до падения старого порядка две главные революции, из которых могут быть выведены или к которым приводятся все остальные.

¹⁰ Вот почему автор оскорблялся, когда противники называли его романистом (см. Guiraud, Fustel de Coulanges, pp. 138; 143), что они, однако, продолжали делать очень упорно (см., например, Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, II, 2).

«Первая совершилась в начале Средневековья; она изменила порядок земельной собственности и установила систему патронатных отношений между личностями; – из нее вышел феодализм. Вторая, происшедшая в XIII и XIV веках, изменила организацию суда; из нее выросла монархия». «Мы изучим, – сообщает тут же автор, – все периоды истории Франции, рассматривая все различные стороны жизни общества. Чтобы узнать, как управлялось каждое поколение, мы должны будем разобрать его социальный быт, интересы, нравы, умственное состояние; мы будем сопоставлять со всем этим организацию общественной власти, которая руководила политической жизнью народа и общества, формы, в каких отправлялось правосудие, повинности, какие общество несло в виде налогов или воинской службы. Проследив все это из века в век, мы должны будем показать, что между веками есть общего, преемственного, что различного, то есть возникшего вновь».

Редко ставилась задача столь обширная, задача воспроизвести такую длинную филиацию исторических процессов; редко формулировалась она с такою определенностью в духе принципов генетического изучения. Автору не удалось довести грандиозной постройки до конца. Но то, что дано им, все же представляет целое, замечательное по законченности и единству общего плана. Это как бы строго завершенная нижняя часть здания: изображение происхождения и развития феодализма.

Предлагая русской читающей публике перевод основного труда Фюстеля де Куланжа, редактор его думает, что предпринимает тем дело, полезное для развития у нас исторических знаний. Он надеется, что всякий, кто истинно любит историю, согласится с ним и поддержит его. Благодаря такому переводу первоклассное произведение одного из замечательнейших научных умов Новейшего времени не только найдет доступ у нас в большом круге читателей, но оно именно как бы войдет и в нашу историческую литературу. Конечно, чтобы достигнуть последней цели, перевод должен действительно не только точно передать внешнюю сторону изложения, но и воплотить самую внутреннюю природу как языка, так и мысли автора, его логики и его вдохновения. Когда имеешь дело с таким глубоким ученым и таким замечательным писателем, как Фюстель де Куланж, подобная задача переводчика не легка. Редактор не мечтал достигнуть на этом пути безукоризненного успеха и отлично чувствует, как далек его труд от совершенства; но он сделал все, что мог, для того чтобы приблизиться к достойному выполнению нравственного долга по отношению к историку, перед которым преклоняется как перед одним из лучших учителей науки. «Научно-историческая библиотека» на русском языке не может лучше начаться, как с обнародования такого первоклассного произведения новейшей европейской историографии.

Русский перевод «*Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*» есть первый вообще перевод этого сочинения Фюстеля де Куланжа на иностранный язык. Пусть будет благоприятна его судьба! Кроме всех вообще интересующихся историей и преподающих ее, он обращается специально к тому серьезно ищущему знания нашему юношеству обоего пола, учащемуся в высших учебных заведениях, которому обстоятельства не дали еще возможности сродниться с французским языком настолько, чтобы свободно читать знаменитый труд в подлиннике, но которому было бы вредно откладывать ознакомление с замечательным трудом Фюстеля де Куланжа. Из своей личной профессорской практики редактор убедился, насколько работа под руководством книг Фюстеля де Куланжа является для них плодотворной¹¹.

¹¹ Ниже помещаются тут же: 1) Отчет о присуждении делу Фюстеля де Куланжа высшей академической награды; 2) Предисловие К. Жюллиана к третьему изданию первого тома «Истории общественного строя древней Франции»; и 3) Предисловие Фюстеля де Куланжа к первому изданию I тома. Замеченные опечатки исправлены на отдельном листке. Редактор не может не извиниться перед читателями за типографские погрешности в нескольких средних листах, происшедшие по обстоятельствам, непредвиденным ни им, ни издателями. Новая типография, которая доканчивала работу по напечатанию настоящего тома (с 19-го листа) и которой поручено печатание следующих томов издания, можно твердо надеяться, не допустит таких недостатков.

Ив. Гревс. СПб., 1 января 1901 г.

I. Дело Фюстеля де Куланжа (из отзыва Французского Института)

Французский Институт (*L'Institut de France*) по представлению Французской Академии (*Académie française*) присудил в 1891 г. свою большую двухгодичную премию (*le grand prix biennal*) «делу Фюстеля де Куланжа». Гизо, Низар, Тьер, все самые великие ученые писатели современной Франции получали каждый в свою очередь эту национальную награду. Институт, признав достойною ее и научно-литературную деятельность Фюстеля де Куланжа, тем самым показал, какое высокое место он отводит ему, подтверждая таким образом оценку, уже давно произнесенную товарищами и учениками оплакиваемому собрату и наставнику.

Фюстель де Куланж принадлежит к славному роду истинных французских писателей; его сжатый и чистый стиль, его удивительный дар изложения, красота его синтеза свидетельствуют о нем как о несравненном мастере в искусстве слова и творчества. У него чистый и блестящий язык, которым отличались лучшие представители литературы, его современники – Абу, Мериме, Сент-Бёв; но у него еще больше силы и смелости. В то же время широтою и мощностью своего исторического кругозора он равен Монтескье: ни один из французских историков этого века не одарил науку столькими новыми истинами. Наконец, твердость его учености, строгость, с которою он читал и толковал тексты, добросовестность его эрудиции, делают из него наследника великих исследователей бенедиктинцев прошлых веков, Мабилльонов и Монфоконов.

Первым сочинением Фюстеля де Куланжа была «Гражданская община древнего мира» (*La cité antique*). Это только одна книга в 500 страниц, а между тем в ней воскресает античный мир в его целом, от таинственных зародышей семьи и общественного союза до того момента, когда законы Рима и религия Христа создали единое отечество из стольких враждебных государств и разрозненных верований. Историк задается здесь преимущественно целью показать, какое влияние принадлежит религии в образовании обществ прежних времен: она создала семью, она дала жизнь государству; и в конце книги мы снова находим религию в качестве завершителя объединения народов, которое предпринято было римским оружием. Влияние, обнаруженное «Гражданской общиной древнего мира» на ученых исследователей нашего времени, даже за пределами Франции, неоспоримо: она открыла наконец для изучения древности настоящую дорогу, она показала, так сказать, какова душа античной жизни. Надо прибавить, что книга эта читается с увлечением, и мы знаем профессоров иностранных университетов, которые дают читать ее своим студентам, чтобы открыть перед ними одновременно дух древности и красоту французского языка.

Второй великий труд разбираемого автора – «История общественного строя древней Франции» (*Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*) – гораздо более обширен: он состоит из шести томов. Но, как и первый, он отличается законченностью и полнотою, представляя целое, изумительное по своему единству. Это также превосходный образец научного построения («un chef d'oeuvre de construction»). Фюстель де Куланж изучает здесь образование феодального и нового мира, как в «Гражданской общине» он изучал происхождение древнего: поистине можно сказать, что оба произведения являются продолжением одно другого. Первый том этого второго труда изображает нам первобытную Галлию, раздробленную и варварскую, потом подчиненную, цивилизованную и объединенную Римом; второй том позволяет нам присутствовать при великом событии – вторжении германцев, которое стоит в начале истории новых народов; мы видим, в третьем – как переродились во франкской монархии политические учреждения Рима; в четвертом и пятом мы следим за образованием новых учреждений, чисто аристократических, которые развиваются помимо государства; наконец, в шестом томе эти последние являются перед нашими глазами в их могущественном росте при последних

Меровингах, вытесняя мало-помалу монархию и ее законы и наконец достигая при последних Каролингах полного господства над обществом и государством. Феодализм с тех пор стал в Европе на место монархического порядка, завещанного Римской империей.

Фюстель де Куланж в данной работе своей больше всего интересуется Францией; тем не менее, читая ее том за томом, мы изучаем развитие целой Европы, ибо Рим, германское нашествие, варварская монархия, Феодализм – все это обозначает фазы, через которые прошли все великие европейские народы. Впрочем, если замечались различия между учреждениями этих последних, автор, рассматривая эпоху за эпохой, указывает на них. Обширные и тщательно составленные примечания обращают исследование Фюстеля де Куланжа и в справочную книгу по истории, выдерживающую сравнение с лучшими подобными пособиями, которые появлялись в Германии.

В специальных исследованиях, собранных в трех еще дополнительных больших томах – «Разыскания», «Новые разыскания о некоторых задачах истории» (*Recherches et Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire*) и еще «Исторические вопросы» (*Questions historiques*) – Фюстель де Куланж сосредоточивается на подробной разработке нескольких учреждений, пунктов или фактов, которые ему пришлось лишь слегка затронуть или рассмотреть лишь в общем в своих больших трудах. Исследование происхождения собственности специально вызвало у него несколько отдельных работ, и они могут быть названы самыми замечательными из тех, которые появлялись по этому вопросу после трудов Сэмнер Мэна и Лавеле. Его труд о римском колонате по справедливости считается знаменитым. Его разыскания об афинских архонтах подали повод к долгим спорам, но открытие нового трактата Аристотеля дало торжественное подтверждение теориям, выставленным Фюстелем де Куланжем. Работы автора о друидах, о Хиосе, о Полибии являются каждая образцами исторического исследования, построения и изображения. Четырнадцать очерков, которые заключаются в означенных трех томах, все представляют собою обширные труды¹².

¹² Записка Института о заслуге Ф. де Куланжа заканчивается следующими словами, посвященными редактору посмертных изданий его сочинений. «Нельзя не упомянуть здесь об участии, которое принято было в обнародовании трудов Ф. де Куланжа учеником его, г. Камиллом Жюллианом, профессором Бордоского историко-филологического факультета. В момент кончины Ф. де Куланжа были напечатаны в окончательном виде только *два* тома его «Истории общественного строя древней Франции» – *третий* («Франкская монархия») и *четвертый* («Аллод»). Переработанная редакция старого издания первого тома, разросшаяся в два тома, и последние два тома тогда еще не выходили: частью текст их был совершенно подготовлен к печати, частью же существовал лишь в черновой рукописи. Г. Жюллиан издал весь труд с благоговейною точностью, с самым высоким уважением к мысли автора в том виде, в каком он его нашел, ограничившись самой тщательной проверкой всех ссылок, дополнением рукописи по заметкам самого историка, прибавкою от себя нескольких фраз, параграфов или глав, которые оказались неизбежно необходимыми, и старательно отделяя от текста автора то, что он счел самым нужным вставить в его изложение, для того чтобы придать последнему законченность. Так же точно поступал он при издании «Разысканий» и «Вопросов». Таким образом, мы ему обязаны тем, что имеем в руках дело Ф. де Куланжа в его целом и в его единстве. Поэтому необходимо выразить г. Жюллиану глубокую признательность за то, что он прервал свои личные работы и отдался в продолжение нескольких лет подготовке к обнародованию трудов того, кто был для него учителем и другом!»

II. Предисловие К. Жюллиана (к 3-му изданию I тома)

Настоящая книга составляет первый том труда, который Фюстель де Куланж посвятил «Истории общественного строя древней Франции» в том виде, в каком окончательно сложился у него план этого сочинения. В нем рассматривается состояние Галлии до римского завоевания и ее политическое устройство в первые три века императорского владычества. В первых двух изданиях этого первого тома (1875 и 1877 года) те же предметы были изложены лишь на двух-стах страницах: очевидно, стало быть, что данное третье издание не есть простая перепечатка первых, но является полной переработкой первоначальной редакции¹³.

Все главы, составляющие настоящую книгу, являются всецело трудом Фюстеля де Куланжа: в текст не внесено никаких изменений ни по содержанию, ни по изложению; не сделано никаких прибавок или сокращений. Таким образом, у нас в руках находится, так сказать, последняя мысль историка о независимой Галлии и о первом периоде Римской империи, при- том в тех именно словах, в которых она воплощена была его собственным пером.

Пришлось присоединить к подлинному тексту автора только заключение. Я постарался резюмировать в нем так верно, как мог, идеи Фюстеля де Куланжа, как он сам выражал их в конце отдельных глав.

Читатели предшествующих изданий заметят, что во второй части этого тома, посвященной Римской империи, не говорится ни о формах собственности, ни о правах личностей, ни о социальном строе Галлии. Во втором издании Фюстель де Куланж уделил рассмотрению этих вопросов последние главы второй книги. Нам казалось, что их не следует вносить в настоящий том и что они найдут свое настоящее место во втором, который озаглавлен «Германское вторжение и конец империи». Действительно, составляя эти главы, автор ставил себя в последнюю эпоху империи, именно в момент появления варваров: это ясно при чтении, да и он это прямо заявляет¹⁴. Кроме того, Фюстель де Куланж, по-видимому, и сам предполагал установить такой план¹⁵, предпочитая заниматься в первом томе лишь политическими порядками Галлии в первые века империи: прочтя наше заключение, можно убедиться, что такое новое

¹³ Сам автор в предварительном наброске предисловия к третьему изданию так объясняет причины, побудившие его к такому развитию текста: «Необходимо разъяснить существенное изменение этого издания сравнительно с предыдущим, которое может поразить читателей. Последнее сильно разрослось по следующим двум причинам. Первая заключается в том, что, перечитывая мою книгу, я нашел, что некоторые пункты изложены в ней недостаточно ясно: я должен был поэтому выразить свои мысли подробнее, чтобы сделать их более ясными. Но была у меня и другая причина, которую мне несколько труднее растолковать. Я принадлежу к поколению, уже не молодому, в котором научные работники ставили себе всегда два правила: во-первых, изучать вопрос по подлинным источникам, исследованным прямо и вблизи; во-вторых, представлять читателю лишь результат своих разысканий. Мы освобождали последнего от ученого аппарата, находя, что он нужен лишь автору, а не читателю; внизу страниц делались лишь немногие ссылки, достаточные для читателя, который захотел бы произвести проверку. В последние двадцать лет обычные приемы переменялись: теперь установилось обратное стремление представлять читателю скорее ученый аппарат, чем выводы; как будто больше ценят леса, чем постройку. Таким образом, ученая работа получила другую форму и придерживается иных правил: она не стала от этого более глубокою, точность не изобретена в эти последние годы, но теперь исследователи прежде всего стараются блеснуть эрудицией. Некоторые даже предпочитают казаться учеными, чем быть ими. Прежде охотно жертвовали внешностью для сущности, теперь часто делают наоборот. Собственно говоря, оба метода хороши, если пользоваться ими добросовестно. Один господствовал двадцать пять лет тому назад, когда я писал свои первые сочинения; второй получил преобладание в настоящее время. Вот я и применяю к нынешним вкусам, как те старики, которые не настаивают во что бы то ни стало на сохранении всех привычек старого времени. Мои исследования изменяются, стало быть, лишь по форме, а не по существу; или еще вернее, сделаю это признание, они изменяются лишь кажущимся образом, и вот почему: когда я писал свои первые работы, то первоначальная редакция их именно была вроде настоящей последней – распространенная, вся усаженная текстами, полная полемики и рассуждений; я только тогда сохранил ее для себя и отдал целые шесть месяцев, чтобы сжать и сократить ее для читателя. Теперь я представляю ему именно эту первоначальную редакцию».

¹⁴ Он говорит: «Поставим себя мысленно в середине IV века христианской эры, между царствованиями Константина и Феодосия» («См. *Hist. des inst.*, 2 éd. p. 224).

¹⁵ «Все это было бы уместнее во втором томе», – заметил он на полях собственного исправленного экземпляра второго издания по поводу главы о вольноотпущенниках.

расположение глав, изображенное самим автором, не только не лишает первый том единства, но, наоборот, гораздо лучше способствует выделению его основной мысли. Последняя глава, которую мы поместили в настоящем томе, «Судоустройство», естественным образом заканчивает его: автор обобщил в заключительных словах ее свою главную идею о Римской империи. Прибавим, наконец, что, начиная с главы о праве собственности, Фюстель де Куланж уже не успел вполне тщательно переработать редакцию нового текста.

Щекотливый вопрос приходилось разрешать относительно подстрочных примечаний. Мы вставили довольно большое число новых, которые были готовы у автора, но найдены разрозненными на листках. Некоторые из них мы, напротив, устранили, потому что они показались нам не настолько точными, как могли представляться несколько лет тому назад, до появления новых сборников эпиграфических памятников Галлии (авторская редакция текста данного тома относится к 1887 году). Мы переделали некоторые цитаты и установили при упоминании надписей Нарбоннской Галлии ссылки на XII том «*Corpus Inscriptionum Latinarum*», изданный Гиршфельдом, которого Фюстель де Куланж не успел изучить, как желал бы. Что касается других надписей, нам казалось излишним постоянно называть берлинский *Corpus*, так как автор предпочитал обращать читателей к более доступным собраниям Орелли – Генцена и Вильманна¹⁶.

Можно было бы с большою легкостью весьма расширить примечания, относящиеся к Римской Галлии. Последние издания текстов, особенно сборники Гиршфельда и Алльмера, доставляют огромное количество нового и драгоценного материала; например, об именах галльских богов, об именах личных, о племенах, колониях – обо всем этом можно было бы прибавить бесконечное число рассуждений. Очень возможно, что Фюстель де Куланж нашел бы нужным еще раз переработать свой первый том на основании этих новых публикаций. Но мы думаем, что нас не упрекнут за то, что мы не попытались произвести сами такой операции над его книгою, что мы дорожили неприкосновенностью редакции и примечаний, оставленных автором, хотя бы последняя могла показаться слишком краткою и несколько устарелою. Фюстель де Куланж сам писал, что смотрит на свой труд лишь как на временный¹⁷. В этом, впрочем, скромность его обманывала. Можно будет доставлять себе легкое удовольствие дополнять его статистические данные и его цитаты; но его теории и его критика не станут от этого ни слабее, ни сильнее; в настоящей же книге самая мысль составляет сущность и вечную заслугу историка.

Я считаю своим долгом откровенно заявить, что по многим пунктам не разделяю мнений автора, например, по вопросу о римских колониях, об исчезновении кельтского языка, о муниципальной организации, смешении рас, провинциальном судоустройстве и т. д. Но мне не показалось приличным высказывать даже в примечаниях какие бы то ни было возражения или ограничения. Принимая редакцию этого сочинения, я взял на себя обязанность обнародовать то, что составляло мысль Фюстель де Куланжа, и я должен выполнить дело в точности, то есть обнародовать ее в неподдельной полноте, со всею ее силою и могуществом.

К. Жюллиан.

Бордо, 1 июля 1890 г.

¹⁶ Редактор (К. Жюллиан) тщательно обозначил скобками все им прибавленное. Эти обозначения, как очень незначительные в первом томе, опущены в русском издании во избежание пестроты (*Прим. перев.*).

¹⁷ См. с. 178 настоящего тома.

III. Предисловие автора (к 1-му изданию)

Мы не стремились, составляя эту книгу, ни восхвалять древнефранцузские учреждения, ни нападать на них; мы задавались единственной целью описать их и показать их сцепление.

Они до такой степени противоположны тем, которые мы видим кругом себя, что сначала не очень легко судить о них с совершенным беспристрастием. Трудно человеку нашего времени проникнуть в течение идей и фактов, которые породили эти учреждения. Если можно надеяться этого достигнуть, то только при помощи терпеливого, последовательного изучения литературных памятников и документов, которые каждый век оставил после себя. Не существует другого средства, которое позволило бы нашему уму отрешиться от тревожных интересов настоящего и таким образом избежать всякого рода предвзятых мнений, чтобы приобрести способность представить себе с некоторою точностью жизнь людей в отдаленные времена.

При первом взгляде, который мы бросаем на древнеевропейский общественный строй, учреждения его рисуются нам необычайными, нездоровыми, особенно же полными насилия и тирании. Потому что они не входят, так сказать, в рамки наших теперешних нравов и умственных навыков, мы склонны думать прежде всего, что они были чужды всякого права и всякой разумности, находились в стороне от того правильного пути, по которому должны были следовать народы, были противны, так сказать, обычным законам жизни человечества. Поэтому-то легко слагается воззрение, что только грубая сила могла их установить и что для их происхождения необходим был огромный переворот.

Наблюдение памятников каждой эпохи этого далекого прошлого привело нас мало-помалу к другому чувству и суждению. Нам показалось, что эти учреждения образовались медленно, постепенно, правильно, что они никаким образом не могли явиться плодом случайного происшествия или резко-внезапного насильственного толчка. Нам почуялось также, что в них не было ничего противоречащего человеческой природе, ибо они вполне соответствовали нравам, гражданским законам, материальным потребностям, направлению мышления, вообще всему духовному типу тех поколений, которыми они управляли. Они даже родились именно из всего этого, и насилие очень мало содействовало их утверждению.

Государственный и общественный строй никогда не является продуктом воли человека; даже воли целого народа недостаточно для их создания. Факторы человеческого существования, которые производят их, не принадлежат к числу тех, которые могут быть изменены прихотью одного поколения. Народы управляются не так, как они того желают, а так, как того требует совокупность их интересов и основа их понятий. Без сомнения, в силу этого необходимо много человеческих веков, чтобы утвердился какой-нибудь политический порядок, и много других веков, чтоб он разрушился.

Отсюда истекает также необходимость для историка простираť свои исследования на обширное пространство времени. Тот, кто ограничил бы сферу своего изучения одною эпохою, подвергнул бы себя опасности впасть в серьезные ошибки даже в суждениях об этой самой эпохе. Век, в который какое-нибудь учреждение появляется при большом свете, блестящим, могущественным, достигшим господства над миром, почти никогда не совпадает ни с тем, когда оно возникло, ни с тем, когда оно укрепилось. Причины, которым оно обязано своим происхождением, обстоятельства, из которых оно извлекало соки, нужные для роста его сил, принадлежат очень часто гораздо более ранним векам. Такое замечание особенно справедливо по отношению к феодализму, который, может быть, из всех политических порядков более всего коренится в самой глубине человеческой природы.

Исходною точкою нашего исследования будет завоевание Галлии римлянами. Это событие было первым из тех, которые, из века в век перерождали нашу страну и начертали направление ее судьбам. Мы изучим вслед за тем одну за другой каждую из дальнейших эпох исто-

рии, рассматривая их со всех сторон жизни общества; чтобы узнать, как управлялось каждое поколение людей, мы должны будем разбирать его социальное положение, интересы, нравы, всю его культуру; мы осветим также и поставим рядом с специальными порядками все элементы общественной власти, которая руководила обществом, формы, в каких отправлялось тогда правосудие, повинности, которые оно несло в виде налогов и воинской службы. Проходя таким образом век за веком, мы должны будем показать, какая замечается между ними преемственность и какие различия: преемственность – потому что учреждения живучи, вопреки всему; различия – потому что каждое новое явление, которое совершается в области материальной или духовной, незаметно видоизменяет их.

История – не легкая наука; предмет, который она изучает, бесконечно сложен; человеческое общество – такое тело, гармонию и единство которого можно уловить только под тем условием, если последовательно и чрезвычайно внимательно будут рассмотрены все органы, его составляющие и дающие ему жизнь. Долгое и тщательное наблюдение подробностей является, стало быть, единственным путем, который может привести к некоторым общим выводам. Целые годы анализа готовят один день синтеза («Pour un jour de synthèse il faut des années d'analyse»). В разысканиях, которые требуют одновременно столько терпения и столько усилия, столько осторожности и столько смелости, опасность впасть в ошибку повторяется бесчисленно часто, и никто не может льстить себя надеждою ее избежать. Что касается нас, если мы не остановились перед глубоким сознанием трудностей нашей задачи, то только благодаря убеждению, что искреннее искание истины всегда приносит пользу. Если нам удалось только бросить свет на несколько точек, до сих пор остававшихся в тени и пренебрежении, если мы достигли того, что обратили внимание на темные вопросы, которые необходимо разрешить, наш труд не пропал даром, и мы будем считать себя вправе сказать, что работали, насколько это в силах отдельного человека, для прогресса исторической науки и для познания человеческой природы.

Фюстель де Куланж

Книга первая Римское завоевание

Глава первая У галлов не было национального единства

Мы не хотим начертать здесь историю галлов или нарисовать картину их нравов. Мы ищем только, каковы были их государственные учреждения в ту эпоху, когда Рим подчинил страну своему господству.

Вопрос этот, даже ограниченный такими пределами, остается трудным для разрешения вследствие недостаточности документов. Памятники галльского происхождения отсутствуют совершенно; галлы того времени не оставили нам ни одной книги, ни одной надписи¹⁸. Главный, почти единственный источник наших сведений – это сочинение Цезаря. Полибий принадлежал к эпохе, более ранней, и знал одних галлов Италии и Малой Азии, а последние могли лишь очень отдаленным образом походить на тех, которые жили в Галлии за 50 лет до нашей эры. Диодор, Страбон и позже Дион Кассий прибавляют только немного к тому, что говорит Цезарь.

Сам Цезарь, однако, прямо не имел в виду познакомить своих читателей с государственными порядками галлов. Он рассказывал о своих походах в Галлии, как римский военачальник, а не как историк Галлии. Поэтому он не дал цельного описания ни одного из учреждений, которые мог наблюдать в полном расцвете у различных галльских народцев. У него можно найти всего четыре или пять страниц, посвященных изображению наиболее распространенных в стране обычаев. Гораздо более ценны для нас, нежели эта чересчур общая и потому неизбежно туманная характеристика, отдельные бытовые черточки, разбросанные у него здесь и там среди рассказа о событиях войны; тут перед нами появляются факты, действительно определенные и характерные. В указанных данных вместе с несколькими еще словами у Страбона заключается единственное прочное основание наших знаний о политическом состоянии Галлии в те времена.

Таким образом, нам следует прежде всего ясно понять, что мы можем добиться лишь весьма неполного представления о предмете, с которым желаем ознакомиться. Было бы большим заблуждением предполагать, что мы окажемся в состоянии хорошо изучить быт галльских племен. Мы не в силах даже восстановить политическое устройство хотя бы одного из них. Тем более надобно быть осторожным, когда говоришь об их нравах, религии или языке¹⁹.

Мы удовольствуемся тем, что выделим несколько положений, которые, как нам кажется, обнаруживаются из имеющихся у нас текстов.

Первое, что можно установить, это то, что Галлия до римского завоевания не составляла единого национального тела. Обитатели ее не были все одинакового происхождения и не при-

¹⁸ Я, признаюсь, не чувствую в себе смелости тех, которые пользуются средневековыми законами кельтов Ирландии, чтобы от них делать обратные заключения о том, чем должны были быть галлы Цезаря в I веке до н. э.

¹⁹ Что касается новейших трудов о Древней Галлии, то, после сочинений Амедея Тиеппи (*Histoire des Gaulois avant la conquête romaine*, Paris, 1873, 2 vol.) и Анри Мартэна (*Histoire de France*, tome I, 4 éd. Paris, 1859; *Etudes d'archéologie celtique*, Paris, 1870) можно обращаться к: *Laferrière* (*Histoire du droit français*. Paris, 1847, t. II); *Chambellan* (*Etudes sur l'histoire du droit français*. Paris, 1848); *de Valroger* (*La Gaule celtique*. Paris, 1879); *Ernest Desjardins* (*Géographie de la Gaule romaine*. Paris, 1875–1885); *E. Glasson* (*Histoire du droit et des institutions de la France*, tome I, Paris, 1887); *P. Viollet* (*Institutions politiques de la France*, t. I, Paris, 1890); наконец, следует указать работы *d'Arbois de Jubainville*, печатавшиеся в «*Revue celtique*» и «*Revue archéologique*» (и впоследствии собранные в отдельные книги).

были в страну одновременно²⁰. Древние авторы утверждают, что не все они говорили на одном языке. У них не сложилось ни общих учреждений, ни общих законов²¹. Между ними не существовало полного расового единства. Нельзя также утверждать, чтобы их соединяла общность религии, так как друидическое жречество не правило над всей Галлией²². Можно быть уверенным и в том, что их не связывало политическое объединение.

Интересно было бы знать, существовали ли в Галлии народные собрания для обсуждения общих нужд страны. Цезарь не отмечает ни одного учреждения, которое было бы похоже на орган федеративного союза всех галльских племен. Мы видим, правда, что выборные нескольких народцев собирались иногда на какие-то общие сходки для совещания о совместной подготовке какого-нибудь коллективного предприятия; но чего мы никогда не встречаем, это правильных собраний, которые происходили бы в установленные сроки, обладали бы определенными и постоянными полномочиями, признавались как бы стоящими выше отдельных народцев и пользовались бы хоть некоторою властью над ними.

Слова «*concilium Gallorum*» попадают, конечно, несколько раз в книге Цезаря; но важно разыскать их настоящий смысл; а так как историческая истина открывается только путем тщательного изучения текстов, то необходимо пересмотреть все те, в которых находится это выражение.

Цезарь сообщает в самом начале своих «Записок»²³, что, после его победы над гелльветами, к нему явились в качестве посланцев почти от всей Галлии начальники племен, чтобы принести свои поздравления; они просили его «созвать общее собрание Галлии, оповещая при этом, что так хочет сам Цезарь». С согласия римского военачальника «они назначили день для этого собрания». Здесь, очевидно, не говорится о правильном, законном, периодическом вече; если бы такое учреждение существовало, разрешение Цезаря не было бы необходимо, так как он тогда еще не предпринимал завоевания страны, и ему отнюдь не принадлежало в ней господства. Галлы же, напротив, сами просили его в данном случае взять на себя инициативу созыва такого рода съезда, «*uti id Caesaris voluntate facere liceret*»; причем продолжение рассказа обнаруживает достаточно ясно, каковы были их намерения.

В другом месте Цезарь упоминает о собраниях галлов, которые он сам созывал; он присутствовал при их совещаниях: «*Principibus cuiusque civitatis ad se evocatis*»²⁴.

Несомненно, что это не были общенародные галльские веча. Здесь идет дело, наоборот, об обычае чисто римском. У римлян было общим правилом, чтобы провинциальный наместник собирал два раза в год «*conventus*» или «*concilium provincialium*» – собрание жителей провинции²⁵; на нем он принимал жалобы, разбирал споры, распределял налоги, объявлял предписания республиканского правительства и свои собственные распоряжения. Этот-то именно римский обычай Цезарь и перенес в провинцию Галлию. Два раза в год он созывал к себе начальников племен; в весеннем собрании он назначал количество людей, лошадей и прови-

²⁰ См. Alex. Bertrand, Archéologie celtique et gauloise (P. 1876); также статью его же: «De la valeur des expressions Κέλτοί et Γαλάται в «Revue archéologique» за 1876 год; кроме того, книги «Celts, Gaulois et Francs» (P. 1873) и «La Gaule avant les Gaulois» (P. 1884; 2 изд. 1891): ср. d'Arbois de Jubainville, Les premiers habitants de l'Europe (2 éd. P. 2 v. 1889).

²¹ Caesar, Bell. gall. I, 1: «Lingua, institutis, legibus inter se differunt». – Strabo, IX, 1: «Ὅμοιόττους οὐ πάντας». – Ammian. Marcellin. XV, 11: «Lingua, institutis, legibusque discrepantes».

²² Э. Дежарден сделал попытку определить территориальное распространение друидизма; он, с большою вероятностью, исключает из его сферы Аквитанию, Нарбоннскую Галлию и страны, соседние с Рейном («Géographie de la Gaule romaine», t. II, p. 519). Впрочем, и повсеместность друидического жречества (Caesar, VI, 13) не могла бы служить доказательством религиозного единства Галлии, так как в галльской религии не все сводилось к друидизму. Д'Арбуаде Жюбенвилль, как кажется, думает, что в Лугудуне (Лионе) отправлялся культ богу Лугу, торжественные обряды которого являлись будто бы общим праздником для всей Галлии. Однако такая гипотеза не подтверждается, по-видимому, ни одним текстом, скорее даже опровергается совокупностью известных фактов. (К этому вопросу придется еще вернуться ниже.)

²³ De bello gallico, I, 30.

²⁴ De bell. gall. V, 54. Он это делал для того, чтобы расположить в свою пользу галлов во время одного похода на германцев.

²⁵ Ср. в конце этого тома, в книге второй, главы о *concilium* и *conventus*.

анта, которое каждый народец должен был доставлять для похода, в осеннем – распределял зимние стоянки своего войска и устанавливал долю каждого в тяжелой повинности содержания его легионов²⁶. В таких собраниях принимали участие уполномоченные одних союзных или подчиненных Цезарю племен. Автор говорит это сам: в 53 году «он созвал, по своему обыкновению²⁷, собрание Галлии; все племена прибыли туда, исключая сенонов, карнутов и тревиров, отсутствие которых могло быть принято за начало возмущения»²⁸.

Мы должны непременно представлять себе римского полководца в роли руководителя этого собрания, созванного по его же приказу; он восседает на высоком помосте, возвещает свои требования – «*ex suggestu pronuntiat*»; он переводит собрание, куда захочет; объявляет его открытым или закрытым, по своему произволу²⁹. Иногда с высоты того же трибунала, в то время как галлы толпятся у его ног, Цезарь чинит суд и расправу и произносит смертные приговоры³⁰. Подобные сборища ничем не походят на общенародные вече.

Есть примеры, что Цезарь сам иногда призывал представителей всех галльских государств, чтобы дать им общие указания на то, чего он ждет от них. Так, например, когда он раз готовился перейти Рейн и нуждался в содействии галльской конницы³¹, или в другой раз, когда, являясь уже господином почти всей Галлии, хотел назначить зимние квартиры для своего войска, он собирал *concilium Gallorum* в Амизне (*Samarobriva Ambianorum*)³². Но такие факты доказывают лишь повиновение галлов победителю, а не подтверждают того, чтобы собрания такого рода были их постоянным обычаем. Сходки вождей всех галльских народцев, которые устраивал Верцингеторикс, чтобы организовать сопротивление римлянам, также еще не обнаруживают, что союзный совет действительно был народным учреждением у галлов³³.

Не следует, впрочем, полагать, будто галльские государства никогда не обращались друг к другу с посольствами и не прибегали к общим совещаниям. Так, в 57 году до н. э. народы Бельгийской Галлии держали совет (*concilium*), чтобы сговориться, как противостоять Цезарю; но этот *concilium* вовсе не является правильным и обычным собранием всей земли: ремы, которые принадлежали к белгам, не принимали в нем участия и знали только понаслышке, что там происходило³⁴. Другой раз³⁵ Амбиорикс говорит у Цезаря, что образовался союз и заговор – *coniuratio*, к которому примкнули почти все народцы, и что было постановлено в таком смысле общее решение – «*esse Galliae commune concilium*». Но все эти собрания не носят характера постоянного и общепризнанного учреждения: «они происходили ночью, в уединенных местах, в глубине лесов»³⁶. Собрание воинов, состоявшееся в 52 году до н. э. в стране карнутов, на котором участвующие приносили священную клятву над боевыми знаменами³⁷, равным образом не изображается Цезарем, как общенародное вече; никогда не видно, чтоб и Верцингеторикс действовал от имени какого-нибудь собрания.

Словом, Цезарь совсем не упоминает о каком бы то ни было учреждении, которое являлось бы органом федеративной связи между галльскими племенами, и чувствуется, что, если

²⁶ Bell. gall. V, 27, etc.

²⁷ «Primo vere, ut instituerat» (VI, 3).

²⁸ Ibid.

²⁹ VI, 3; 4.

³⁰ VI, 44.

³¹ IV, 6.

³² V, 24.

³³ VII, 1: «Indictis inter se principes Galliae conciliis silvestribus ac remotis locis». Cp. VII, 63. Во время несогласий между Верцингеториксом и эдуями «totius Galliae concilium Bibracte indicitur; eodem conveniunt undique frequentes; multitudinis suffragiis res permittitur». Cp. еще VII, 75. Во время осады Алезии: «Galli, concilio principum indicto» и т. д.

³⁴ II, 1—4

³⁵ V, 27.

³⁶ VII, 1.

³⁷ См. Caes. VII, 2.

бы такое учреждение действительно существовало, оно должно бы было проявить себя много раз в определенных действиях или, по крайней мере, протестах против врага во время завоевания.

Скажут, может быть, что сам Цезарь мешал ему функционировать? Но в том месте его сочинения, где он, как историк, описывает учреждения Галлии, он во всяком случае не мог не указать именно на то, которое в его глазах должно было бы представляться самым важным. Страбон и Диодор, наверно, также отметили бы его; оно обнаружило бы себя до подчинения Галлии римлянами, хотя бы, например, по случаю столкновения с гельветами. Между тем ни один писатель не говорит об общегалльском народном собрании, никакое событие не открывает нам его³⁸.

Народы Галлии воевали между собой или заключали союзы друг с другом и с чужестранцами, как самостоятельные государства. Нет примера, когда для осуществления какого-нибудь предприятия им пришлось бы обращаться к санкции или поддержке общего собрания или получать от последнего инструкции. Никакая высшая власть не принимала на себя руководство войною и миром в их среде. Иногда друидическое жречество брало на себя роль посредника, как позже будет делать христианская церковь по отношению к государям Средних веков³⁹. Но влияние его было, по-видимому, малодействительно, так как войны почти не прекращались. Самым обычным результатом этих кровопролитий, ежегодно терзавших страну⁴⁰, было то, что более слабые народцы попадали в зависимость от более сильных⁴¹. Могло случиться иногда, что ряд удачных войн ставил один из этих народцев во главе всех остальных; но такого рода непрочная гегемония, которая являлась лишь следствием военных успехов и перемещалась вместе с ними, не могла никогда создать у галлов национального единства.

³⁸ Д'Арбуа-де-Жюбенвилль верит, что существовал общий религиозный праздник для всей Галлии, праздник бога Луга (см. «Le cycle mythologique irlandais». P. 1884, p. 5; 138–139 и «Nouv. revue historique de droit», 1881, p. 195). Глассон полагает (*Hist. du droit*, I, 293), что «общие собрания народов Галлии пользовались большим уважением, как нам сообщает Цезарь». Однако последний не говорит ни слова об этом.

³⁹ *Strabo*, IV, 4, 4 (edit. Didot, p. 164).

⁴⁰ *Caesar*, VI, 15: «Ante Caesaris adventum, aliquod bellum fere quotannis accidere solebat».

⁴¹ Отсюда появлялись клиентные отношения одних народцев к другим. См. *Caesar*, I, 31: «Aeduos eorumque clientes»; IV, 6: «Condrusi, qui sunt Treverorum clientes»; V, 39: «Eburones, Nervii, Aduatuci atque horum clientes»; VII, 75: «Eleuteti, Cadurci, Gabali, Vellavi, qui sub imperio Arvemorum esse consueverunt»; V, 39: «Centrones, Grudios, Levacos, Pleumoxios, Geidumnos, qui omnes sub Nerviorum imperio erant».

Глава вторая

О государственном порядке у галлов

При описании общественного строя гальских народов должно быть прежде всего установлено, что Цезарь нигде не упоминает о коленах или кланах в Галлии. В его сочинении не встречаются эти два термина или какое-нибудь другое слово, равнозначное с ними по смыслу; нет также в его описаниях ничего, что бы напоминало клановую жизнь. Можно сделать подобное же замечание и по отношению к тому, что говорят о галлах Диодор и Страбон.

Настоящей формой политической группировки у них в эпоху, предшествовавшую римскому завоеванию, было то, что Цезарь определяет словом «*civitas*». Это слово, которое повторяется более ста раз в его «Комментариях», не обозначало непременно город. Оно, собственно, не вызывало представления о материальном пункте оседлости, а соответствовало понятию о коллективной (нравственной) личности. Идея, соединявшаяся с этим словом на языке Цезаря, вернее всего может быть передана на современный язык словом «государство». Оно служило для наименования политического тела, организованного народа, и в этом именно смысле надобно его понимать, когда данный писатель применяет его к галлам⁴². Можно было тогда насчитать около 90 самостоятельных государственных единиц в стране, которая тянулась между Пиренеями и Рейном⁴³. Каждое из этих государств или народов образовывало довольно многочисленную группу. Многие из них могли выставить по 10 000 воинов, другие – по 25 000, некоторые – даже по 50 000⁴⁴. Беллоаки были в состоянии вооружить до 100 000 человек вообще или выдвинуть до 60 000 отборных бойцов⁴⁵. Можно предположить, что народонаселение каждого такого государства колебалось между 50 000 и 400 000 душ. Галльский народец обыкновенно являлся более крупным целым, чем какая-нибудь городская община Древней Греции или Италии.

⁴² Примеры, подтверждающие, что термин *civitas* должен пониматься именно так, многочисленны у самого Цезаря. См. между прочим, V, 54: «*Senones, quae est civitas magnae auctoritatis*»; V, 3: «*Civitas (Treverorum)... equitatu valet*»; VII, 4: «*(Celtillus) ab civitate erat interfectus*»; I, 4: «*Cum civitas... armis ius suum exsequi conaretur*»; I, 19: «*Iniusu... civitatis*»; V, 27: «*Non voluntate sua, sed coactu civitatis*»; VI, 3: «*(Parisii) confines erant Senonibus civitatemque patrum memoria coniunxerant*»; V, 53: «*Omnes... civitates de bello consultabant*»; VI, 20: «*Quae civitates commodius suam rempublicam administrare existimantur, habent legibus sanctum, si...*»; VII, 13: «*(Avarico) recepto, civitatem Biturigum se in potestatem redacturum confidebat*»; IV, 12: «*In civitate sua regnum obtinuerat*». Разница между *urbs* и *civitas* хорошо обнаруживается в следующем тексте (VII, 15): «*(Avaricum) pulcherrimam prope totius Galliae urbem, quae praesidio et ornamento sit civitati (Biturigum)*».

⁴³ Трудно достоверно установить точное число народов в Галлии до Цезаря. Этот писатель не стремился сам дать полного их списка. Сумма могла меняться, даже смотря по тому, свободным или подчиненным рассматривался тот или другой народец в момент подсчета. Обыкновенно указывают 30 народцев в той части Галлии, которая была завоевана между 125 и 121 годами до н. э. и образовала первоначальную *Provincia*. В части же страны, остававшейся еще свободною, в которую входили Аквитания, Кельтическая и Бельгийская Галлии, можно назвать около 60 народцев, или *civitates*. Это были именно следующие (мы оставляем, конечно, в стороне все вопросы, касающиеся правописания их имен, для разъяснения которых отсылаем к специальным монографиям; мы не претендуем также сообщить полную и окончательную номенклатуру): 1) в Аквитании: Convenae, Bigerrionenses, Benarnenses, Ituronenses, Tarbelli, Aturenenses, Elusates, Ausci, Lactoratenses, Bituriges, Vivisci, Vasates, Nitobroges, Cadurci, Ruteni, Gabali, Helvii, Vellavi, Arverni, Lemovices, Petrocorii, Santones, Pictones, Bituriges Cubi; 2) в Кельтической Галлии: Turones, Andecavi, Namnetes, Veneti, Osismi, Curiosolitae, Redones, Ambivariti (или Abrincatui), Uxelli, Viducasses, Lexovii, Aulerci Eburonenses, Aulerci Cenomani, Aulerci Diablintes, Carnutes, Parisii, Senones, Aedui, Lingones, Sequani, Segusiavi, Helvetii; 3) в Белгике: Caletes, Velocasses, Ambiani, Bellovaci, Atrebatenses, Morini, Menapii, Nervii, Viromandui, Suessiones, Remi, Eburones, Treveri, Leuci, Mediomatrici. – Мы не вносим в этот перечень имена некоторых подчиненных народцев, как напр. Meldi, которые были привязаны к паризиям, или Mandubii, которых некоторые присоединяют к эдуям.

⁴⁴ *Caesar*, II, 4. Из этого места видно, что суэссионы обещали выставить 50 000 воинов, нервии – то же количество, амбианы – 30 000, морины – 25 000, адуатуки – 19 000.

⁴⁵ *Caesar*, II, 4: «*Nos posse conficere armata milia centum, pollicitos ex eo número electa sexaginta*». В другом месте (VII, 75) Цезарь дает другие цифры, но надо обратить внимание, что последние относятся к вторичному набору. Эдуи выставили еще 35 000 человек, арверны – тоже число, битуринги – 12 000.

Civitas занимала обширную территорию. Последняя чаще всего распадалась на несколько округов, которым Цезарь дает латинское наименование *pagi* (волости)⁴⁶. В ее пределах чаще всего находился один главный город⁴⁷, несколько малых городков⁴⁸ и довольно большое количество укрепленных пунктов⁴⁹: уже издавна все народцы усвоили обычай ограждать себя не против чужестранного неприятеля, а против соседнего соплеменного народца⁵⁰. На территории народца кроме того было разбросано множество деревень – *vici*⁵¹ и уединенных дворов – *aedificia*⁵².

Весьма важно в самом начале наших исследований обратить внимание на такое расчленение галльской почвы. Последующие века производили в нем только медленные и легкие изменения. Пожалуй, три четверти городов современной Франции выросли из древних галльских *oppida*. Даже более того – самые *civitates* сохраняли до эпохи, очень близкой к нам, свою древнюю конфигурацию. *Pagi* или *pays* живы еще теперь; воспоминания и чувства деревенского люда до сих пор остаются упрямо привязанными к старым местам оседлости и давним делениям страны на округа. Ни римляне, ни германцы, ни феодализм не уничтожили этих живучих территориальных единиц, самые имена которых дошли до нас, пройдя через долгие века.

Государственный строй не везде в Галлии сложился в одинаковых формах⁵³. Каждый народец, будучи независим, вырабатывал такие учреждения, какие соответствовали его склонностям. Эти учреждения не только различались по местностям; они довольно заметно изменялись во времени: Галлия пережила уже в своем прошлом не одну революцию и в эпоху Цезаря находилась в состоянии неустойчивого равновесия.

Монархическое управление было в ней небезызвестно. Цезарь отмечает присутствие царей у суэссионов и атребатов⁵⁴, у эбурунов⁵⁵, карнутов, сенонов, нитиоброгов⁵⁶, арвернов.

⁴⁶ *Caesar*, I, 12: «Pagus Tigurinus... pars civitatis Helvetiae... Onnis civitas Helvetia in quattuor pagos divisa est»; IV, 22: «Pagi Morinorum»; VI, 11: «In omnibus civitatibus atque in omnibus pagis partibusque»; VII, 64: «Pagos Arvernorum».

⁴⁷ *Caesar*, VII, 15: «Avaricum pulcherrimam urbem». Иногда Цезарь обозначает такие столицы словом *oppidum*: Bibracte, Gergovia названы у него *oppida* (I, 23; VII, 4; 34).

⁴⁸ *Caesar*, VII, 15: «Viginti urbes Biturigum»; VII, 23: «Ad defensionem urbium».

⁴⁹ *Caesar*, I, II: «Oppida Aeduorum expugnari»; I, 28: «Oppida Helvetiorum»; II, 4: «Suessionum oppida duodecim»; II, 29: «Cunctis oppidis Aduatucorum»; II, 6: «Oppidum Remorum, nomine Bibrax»; III, 12: «Oppida Venetorum»; VI, 4: «Iubet in oppida multitudinem convenire»; III, 14: «Compluribus expugnatis oppidis». Глассон («Hist. des institutions», 1, 95) представляет эти *oppida* «простыми укрепленными местами, которые служили убежищами во время войны, но оставались необитаемы во время мира». Цезарь, однако, не так изображает галльские *oppida*. В его рассказе *oppidum* является населенным пунктом; часто это небольшое местечко, иногда значительный город. Можно привести примеры: «Vesuntio, oppidum maximum Sequanorum» (I, 38); «Noviodunum, oppidum Aeduorum ad ripas Ligeris» (VII, 55); «Lutetia, oppidum Parisiorum» (VII, 57); «Bibracte, quod est oppidum apud Aeduos maxime auctoritatis» (VII, 55); «Alesia, oppidum Mandubiorum» (VII, 68); «Vellaunodunum, oppidum Senonum» (VII, 11). Следует заметить, что Цезарь называет Герговию не только *oppidum*, но и *urbs* (Ср. VII, 4 и VII, 36); так же точно Алезия названа раз *oppidum*, другой раз – *urbs* в одной и той же главе (VII, 68); Аварик, который в одном месте был назван *oppidum* (VII, 13), характеризуется в другом как «*urbs pulcherrima*» (VII, 15). Население *oppida* состояло из торговцев; так *oppidum Genabum* (VIII, 5) был коммерческим центром (VII, 3); в *oppidum Cabillonum* находилось много людей, обитавших там *negotiandi causa* (VII, 42); тот же факт сообщается и о других городах: «*mercatores in oppidis vulgus circumstant*» (IV, 5). Цезарь несколько раз упоминает о специальном городском населении, которое он именует *oppidani* (II, 33; VII, 13; VII, 58; VIII, 27; VIII, 32).

⁵⁰ О стенах и валах этих *oppida* см. *Caesar*, II, 12; II, 32; и особенно VII, 23. Цезарь указывает несколько раз на *castella*. См. например, «*cunctis oppidis castellisque*» (II, 29); «*castellis compluribus*» (III, 1). Он называет город *Aduatuca* словом *castellum* (II, 32).

⁵¹ Упоминания о *vici* несколько раз встречаются у Цезаря. См. I, 5; I, 11; I, 28; VI, 43; VII, 17; VIII, 5. – Он их не описывает. Это, вероятно, были крестьянские поселения. См. VII, 17: «*Recore ex vicis adacto*». *Vicus Octodurus* был, по-видимому, большим местечком, так как он мог дать приют восьми когортам римского войска (III, I).

⁵² Цезарь обозначает сельские жилища словом: *aedificia*: «*vici atque aedificia*» (III, 29; VI, 6; VI, 43; VII, 14); это были легкие постройки, о которых Цезарь говорит лишь тогда, когда приходилось предавать их огню. Иногда, впрочем, *aedificium* оказывается просторным обиталищем какого-нибудь вождя: «*(Ambiorix) aedificio circumdato silva, ut sunt fere domicilia Gallorum, qui vitandi aestus causa plerumque silvarum atque fluminum petunt propinquitates*» (VI, 30).

⁵³ *Caesar*, I, 1: «*Hi omnes... institutis... inter se differunt*».

⁵⁴ *Caesar*, II, 4; IV, 21.

⁵⁵ *Caesar*, V, 24: «*Eburones, qui sub imperio Ambiorigis et Catuvolci erant*»; V, 38: «*Ambiorix... in Aduatucos, qui erant eius*»

Впрочем, он не определяет с точностью характера этой царской власти и не указывает, какова была широта ее компетенции. Между тем весьма различные типы правления могут носить название монархии. Цари, о которых автор говорит, были, как кажется, выборными. Во всяком случае они получали власть только с одобрения большинства всего племени. Эта власть, по-видимому, не могла быть также названа неограниченной. Может быть, галльская монархия была лишь особою формою демократии. Один из царьков сказал как-то Цезарю, что «масса столь же могущественна над ним, как он над массою»⁵⁷. Вообще царская власть не обнаруживается у галлов как традиционное учреждение, которое покоилось бы на обычаях старины или на понятиях публичного права; она скорее является воплощением насильственного переворота, силою чрезвычайною, которая возникает среди народных волнений, которую выдвигает одна из борющихся групп, чтобы победить другую⁵⁸. Так Верцингеторикс в начале своей карьеры, изгнанный из своего государства «знатью», снова сумел привлечь к себе толпу «народа», при его поддержке возвратился и был провозглашен царем⁵⁹.

У большинства народов утвердились, однако, республиканская форма правления и с нею вместе могущество аристократии⁶⁰. Руководство делами принадлежало совету, который Цезарь называет сенатом⁶¹. К сожалению, он только не сообщает нам, каков был его состав. Мы не знаем, пополнялся ли он новыми лицами по праву рождения, по народному выбору, через кооптацию самих его членов или каким-нибудь иным способом⁶².

Правительственная власть там, где не было царей, поручалась начальникам, избираемым на год. Цезарь называет их римским словом *magistratus*⁶³. Правила или способы выбора их, впрочем, недостаточно известны, для того чтобы можно было решить, народное ли полномочие или доверие знати являлось источником могущества такой магистратуры. Во многих государствах, как кажется, существовал лишь один высший начальник (вергобрет)⁶⁴, который обладал, можно думать, неограниченною властью, вооруженною даже правом распоряжения жизнью и смертью подвластных⁶⁵. Нет сомнения, хотя Цезарь и не говорит об этом, что такому высшему магистрату должны были быть подчинены еще несколько низших должностных лиц⁶⁶.

Интересно определить, были ли уже закреплены изображенные только что государственных учреждения древней Галлии писаными сводами, или они охранялись только устным обычаем. Определенно известно, что галлы пользовались письменами специально «в актах

regno finitimi, proficiscitur»; VI, 1: «Catuvolcus, rex dimidiae partis Eburonum».

⁵⁶ Caesar, V, 25; V, 54; VII, 31.

⁵⁷ Caesar, V, 27: «Ambiorix (locutus est... non) voluntate sua fecisse, sed coactu civitatis, suaque esse eius modi imperia, ut non minus haberet iuris in se multitudo quam ipse in multitudinem».

⁵⁸ Так, после смерти Индутиомара – «Cingetorigi... principatus atque imperium est traditum» (VI, 8).

⁵⁹ Caesar, VII, 4: «Vercingetorix... prohibetur a principibus... expellitur ex oppido Gergovia... Coacta manu... egentium ac perditorum... rex ab suis appellatur».

⁶⁰ Strabo, IV, 4, 3: «Ἀριστοκρατικάί ἦσαν αἱ πλείους τῶν πολιτειῶν».

⁶¹ Caesar, VII, 55: «Magnam partem senatus» (у эдуев); I, 31: «Omnem nobilitatem, omnera senatum, omnem equitatum amisisse» (о том же народе); II, 5: «Omnem senatum adseconvenire principumque liberos ad se adduci iussit» (у ремов). Автор указывает в других местах на сенат у сенонов (V 54), венетов (III, 16), эбуровиков и лексовиев (III, 17), нервиев (II, 28), беллоаков (VIII, 21) и т. д.

⁶² Некоторые выражения автора заставляют предполагать, что он отождествляет *сенат со знатью*. Так, например, когда он говорит (I, 31) «*omnem nobilitatem, omnem senatum Aeduos amisisse*», надо думать, что оба термина употреблены им как синонимы.

⁶³ Caesar, VI, 20: «Ad magistratum»; VII, 55: «Convictolitavim magistratum».

⁶⁴ Caesar, VII, 32: «Cum singuli magistratus antiquitus creari consueverunt»; I, 16: «Liscus, qui summo magistratui praeerat».

⁶⁵ Caesar, I, 16: «Magistratui... quem vergobretum appellant Aedui, qui creatur annuus et vitae necisque in suos habet potestatem»; VII, 32: «Cum singuli magistratus regiam potestatem annuam obtinere consueverunt». – Отметим все-таки, что эта особенность, которую Цезарь приписывает эдуям, не повторялась, может быть, у других народов и во всяком случае у всех.

⁶⁶ Это явствует из слов «qui summo magistratui praeerat» (I, 16), а также из множественного числа «*intermissis magistratibus*» в другом месте (VII, 33).

государственных»⁶⁷. У них велись какие-то официальные регистры. Они умели производить народную перепись, составлять поименные списки населения и воинства⁶⁸. Стало быть, возможно предположить существование у них также и писаных законов⁶⁹. Мы не знаем, заставлял ли Цезарь прочитывать себе такие законы и знакомился ли он с такими обычаями. Две-три черты, сообщаемые им мимоходом, побуждают думать, что государственные учреждения, о которых здесь идет речь, были выработаны даже в мелких подробностях, как приличествует народам, уже значительно подвинутым в их политическом развитии. Например, в конституции эдуев был тщательно определен способ, место и день выбора верховного начальника⁷⁰; она устанавливала, что при церемонии должны были присутствовать жрецы⁷¹; председательство в выборном собрании принадлежало тому, кто в данное время отправлял обязанности высшего магистрата; он же провозглашал имя избранного⁷², Цезарь подчеркивает здесь еще одну черту, которая его поразила: закон не допускал двух братьев быть магистратами одновременно, он не разрешал им даже заседать вместе в сенате⁷³. Эти предписания, по-видимому, обнаруживают взаимную зависть между знатными семьями, которые как будто зорко следили за тем, чтобы ни одна из них не взяла верх над другою.

Достоин внимания еще одно правило, заключавшееся в том, что у многих народов, например у эдуев, тщательно отделена была высшая гражданская магистратура от военачальнической власти⁷⁴. Наконец Цезарь приводит еще одну особенность, которая представляется нам очень выразительной. «В тех из государств, которые наилучшим образом устроили свое управление, предписывается законами, чтобы всякий, кто научится от иностранцев чему-нибудь, существенно важному для общего блага, заявлял об этом начальнику, но больше никому не открывал того, что видел. Начальники же либо утаивают то, что узнали, либо сообщают народу, смотря по тому, как они находят полезным. Об общественных делах разрешается говорить только на собрании»⁷⁵.

Чтение сочинения Цезаря показывает достаточно ясно, что все эти правила, как будто точно определенные и хорошо составленные, очень плохо соблюдались на деле. Но мы должны

⁶⁷ *Caesar*, VI, 14: «In publicis rationibus, graecis litteris utuntur». В этом месте римский писатель сообщает, что друиды не прибегали к письму при обучении юношества, то есть учили только устно; но он тут же прибавляет, что вообще галлы умели писать. Они употребляли письмо также и в актах частного характера «in privatis rationibus» (*Ibidem*). Страбон еще указывает, что у галлов заключались писанные гражданские договоры (IV, I, 5, edit. Didot, p. 150): «Ὅτε τὰ συμβόλαια ἑλληνιστί γράφειν». Неясно, однако, хочет ли выразить Страбон под словом ἑλληνιστί, что они писали по-гречески или только что они пользовались греческим алфавитом?

⁶⁸ *Caesar*, I, 29: «In castris Helvetiorum tabulae repertae sunt litteris graecis confectae, quibus in tabulis nominatim ratio confecta erat, qui numerus domo exisset eorum, qui arma ferre possent, et item separatim pueri, senes mulieresque».

⁶⁹ Цезарь намекает на это в следующем отрывке (VI, 20): «Civitates... habent legibus sanctum, si quis...» Слово *leges* обыкновенно обозначало писанный законодательный текст. Автор пользуется тем же термином и в других местах, говоря о конституции эдуев (VII, 33), атребатов (VII, 76), а также суэссионов (II, 3).

⁷⁰ *Caesar*, VII, 33. Автор отмечает как нарушение закона избрание Кота «*alio loco, alio tempore atque oportuerit*».

⁷¹ *Caesar*, VII, 33: «*Quiper sacerdotes more civitatis esset creatus*». Заметим, однако же, что это место может быть истолковано двояко в зависимости от того, как будут поняты в тексте два слова — «*intermissis magistratibus*». Возможно, что здесь имеются в виду выборы, произведенные под руководством жрецов за отсутствием магистратов.

⁷² Это вытекает из слов: «*Fratrem a fratre renuntiatum*» (*Ibidem*). В самом деле Кот был братом Валетиака, вергобрета предшествующего года (VII, 32).

⁷³ *Caesar*, VII, 33: «*Cum leges duo ex una familia, vivo utroque, non solum magistratus creari vetarent, sed etiam in senatu esse prohiberent*».

⁷⁴ Это правило, нам кажется, обнаруживается из следующих слов Цезаря (VII, 33): «*Quod legibus Aeduarum, iis qui summum magistratum obtinerent, excedere ex finibus non liceret*». Поэтому-то мы замечаем несколько дальше (в главе 37), что Конвиктолитавий, в то время как занимает должность вергобрета, не командует войском: «*Placuit, ut Litavicus... exercitui praeficeretur*». Страбон, (IV, 4, 3) подтверждает свидетельство Цезаря. Он прибавляет еще ту подробность, что военачальник был избираем всем народом.

⁷⁵ *Caesar*, VI, 20: «*Quae civitates commodius suam rempublicam administrare existimantur, habent legibus sanctum, si quis quid de republica a finitimis rumore aut fama acceperit, uti ad magistratum deferat, neve cum quo alio communicet... Magistratus, quae visa sunt, occultant, quaeque esse ex usu iudicaverunt, multitudini produnt. De republica nisi per concilium loqui non conceditur*».

были их привести для выяснения того, что галлы, даже в области государственного быта, уже не находились на первоначальной ступени развития. Далее укажем, что галлы практиковали также систему государственного обложения. Цезарь не определяет, однако, в каких формах она сложилась. Он только сообщает, что общественные сборы бывали у них двух родов. Существовали прежде всего прямые налоги; автор их называет *tributa* и дает понять, что они достигали уже чрезмерной высоты⁷⁶; все свободные люди были им подчинены, за исключением жрецов-друидов⁷⁷. Рядом с этим Цезарь упоминает о косвенных налогах; он называет их *portoria* и *vectigalia*⁷⁸, понимая, несомненно, под этими словами таможенные и транзитные пошлины. Эти сборы отдавались на откуп частным лицам; последние под условием внесения вперед установленной суммы, которую они уплачивали государству, собирали их в свою пользу и тем обогащались⁷⁹. Откупная система, которая удержалась во Франции при всех сменявшихся порядках вплоть до 1789 г., уже имела место в древней Галлии.

Воинская служба государству была обязанностью всех свободных галлов. По Цезарю, одни друиды были от нее избавлены⁸⁰. В тот день, когда высший сановник созывал всех под оружие, то есть объявлял «общее военное собрание»⁸¹, люди, по возрасту своему способные сражаться, должны были явиться все в назначенный пункт. Прибывший на место последним подвергался казни или по крайней мере мог быть приговорен к смерти⁸².

Обладало ли государство в древней Галлии правом суда над своими членами? Некоторые исследователи сомневались в этом. С одной стороны, нельзя отрицать, что государство имело право наказывать за преступления, которые направлялись против него самого. Так, когда Оргеторикс сделал попытку произвести переворот с целью захватить царскую власть в свои руки, мы видим, что правительство гельветов образовало из себя судилище и готовилось покарать виновного смертью посредством сожжения⁸³. В другой раз точно так же начальник тревиров

⁷⁶ *Caesar*, VI, 13: «Plerique magnitudine tributorum premuntur».

⁷⁷ *Caesar*, VI, 14: «Druides... neque tributa una cum reliquis pendunt». Глассон (I, 103) думает, что благородные были освобождены от податей; но ни один текст не подтверждает этого. Из того, что Цезарь говорит о тяжести налогов для простого народа (VI, 13), еще не следует, чтобы знатные не платили ничего.

⁷⁸ *Caesar*, I, 18: «Portoria reliquaue Aeduorum vectigalia». Под именем *portoria* у римлян чаще всего разумелись провозные тарифы, взимаемые при переправе через реки, при проезде по мостам, даже при пользовании дорогами. Слово *vectigalia* могло употребляться в более широком смысле и прилагалось в Риме, например, к обозначению доходов от государственных земель либо от земель подвластных народов, а также к налогам, платившимся этими последними. Другое место Цезаря, относящееся к венедам (III, 8), позволяет думать, что у галлов взимались таможенные сборы при входе в гавани.

⁷⁹ *Caesar*, I, 18: «Dumnorigem, complures annos, portoria reliquaue omnia Aeduorum vectigalia parvo pretio redempta habere». Слово *redimere* употреблялось в латинском языке как специальный термин для обозначения откупа подати или вообще какого-нибудь государственного дохода (*Cicero*, *Brutus*, 22; *Dig.* XIX, 2, 29; L, 5, 8, 1).

⁸⁰ *Caesar*, VII, 14: «Druides a bello abesse consueverunt... militiae vacationem habent». Военная повинность лежала, главным образом, на так называемых всадниках, то есть на знатных (VI, 15): «*Omnes in bello versantur*». Простой народ, очевидно, также был ей подчинен, но, может быть, только в случаях всеобщего ополчения – *concilium armatum*, о котором будет упомянуто сейчас ниже.

⁸¹ *Caesar*, V, 56: «(Indutiomarus) armatum concilium indicit; hoc more Gallorum, est initium belli; quo, lege communi, omnes puberes armati convenire consueverunt».

⁸² *Ibid.*: «Qui ex iis novissimus convenit, in conspectu multitudinis omnibus cruciatibus affectus necatur». Ничто не обнаруживает, чтобы *concilia armata* были собраниями, в которых обсуждались вопросы войны и мира: *concilium* здесь имеет лишь значение именно «общего сбора». Когда Страбон описывает некоторые собрания, на которых запрещалось прерывать говорящего под страхом того, что одежда виновного будет распорота надвое мечом блюстителя общественного порядка, он говорит не об этих военных собраниях, но об особых *συνέδρια* (*Strabo*, IV, 4, 3).

⁸³ *Caesar*, I, 4: «Orgetorigem ex vinculis causam dicere coegerunt. Damnatum poenam sequi oportebat, ut igni cremaretur. Die constituta, Orgetorix ad iudicium omnem suam familiam... coegit...» Ошибочно было бы представлять себе этот суд как народный; из того, что автор говорит здесь *Helvetii*, а дальше *civitas*, не вытекает, что такое *iudicium* составлялось из всего гельветического народа. Доказательством противного служит тот факт, что достаточно было Оргеториксу явиться перед судом с своим родом, домоочадцами и рабами (*familia*), чтобы получить возможность избежать опасности. Последнее не оказалось бы исполнимо, если бы коллективным судьей был действительно народ. Только после его бегства мы видим, что правительство гельветов через своих *magistratus* поспешно собирает для решения дела большое множество народа, которое пришлось вызывать из деревенских поселений (*ex agris*).

произнес приговор о конфискации имущества над одним лицом, которое вступило в союз с римлянами⁸⁴. Но в обоих приведенных случаях дело, очевидно, касалось именно преступлений против государства: тут оно действительно преследует и карает. Самое трудное в данном вопросе – определить, являлось ли государство у галлов, как это происходит в современных обществах, судьей преступлений, совершавшихся над частными лицами, либо при гражданских тяжбах, которые последние вели между собою.

Эту задачу действительно мудро решить. Цезарь сообщает, правда, в том месте, где говорит о жрецах-друидах, что они разбирали тяжбы и даже судили за преступления, совершавшиеся между частными лицами⁸⁵. Отсюда делали заключение об отсутствии в древней Галлии других судов, кроме суда друидов. Но если ближе рассмотреть указанный отрывок Цезаря, то обнаружатся две вещи. Во-первых, у Цезаря стоит слово «почти» – *fere*, которое нельзя пропускать без внимания: «Они судят, – говорит он, – почти все дела»; во-вторых, он не утверждает, чтобы такая юрисдикция друидов была обязательною, и самый способ его выражения заставляет думать, что большинство людей добровольно обращалось к их судейскому авторитету⁸⁶. Любопытно обратить внимание на подробность, недостаточно замеченную, именно: что друиды не обладали принудительною властью и не имели права вызывать людей к своему трибуналу; сами тяжущиеся шли к ним за судом и расправою⁸⁷. Цезарь отмечает даже как специальное доказательство большого уважения народа к друидам тот факт, что «все повиновались их приговорам»⁸⁸. Об общеобязательной юрисдикции обыкновенно говорят не таким тоном. Прибавим, наконец, что если кто когда-нибудь противился их решению, они не имели права схватить его и насильно подвергнуть наказанию; они могли только запретить ему участие в религиозном культе⁸⁹.

Есть, впрочем, в той же главе Цезаря одно место, в которое следует вдуматься: «Если человек, явившись к трибуналу друидов, не повинуется затем их решению, они налагают на него отлучение, и с тех пор, когда этот человек ищет правосудия, ему отказывают в таковом»⁹⁰. В последних словах сообщается важное сведение: автор не хочет, конечно, сказать, что человек вновь являлся перед судом тех же друидов, раз он уже не подчинился их приговору; здесь, очевидно, идет речь о другом судилище, к которому он обращался, не удовлетворившись правосудием жрецов; но «сила религиозного запрещения, – поясняет он, – так велика, что и всякий другой суд оказывается для него закрытым»⁹¹. Цезарь, стало быть, здесь по крайней мере

⁸⁴ *Caesar*, V, 56: «Cingetongem, Caesaris secutum fidem, hostem iudicat, bonaque eius publicat».

⁸⁵ *Caesar*, VI, 13: «(Druides) magno sunt apud eos honore. Nam fere de omnibus controversis publicis privatisque constituunt et, si quod est admissum facinus, si caedes facta, si de hereditate, de finibus controversia est, iidem decernunt; praemia poenasque constituunt». Страбон повторяет то же, что говорит Цезарь (IV, 4, 3).

⁸⁶ Надо действительно отдать себе отчет в истинном смысле предыдущей фразы: «*Magno hi sunt apud eos honore*». Цезарь сообщает, что друиды рассматривали почти все судебные процессы у галлов, именно после того, как он указал на большое почтение, которым у них пользовались жрецы. Такая ассоциация идей еще очевиднее у Страбона: «Друиды считаются очень справедливыми, а вследствие этого им доверяют разрешение всякого рода частных тяжб и общественных споров». По той же причине им поручалось преследование виновных в убийстве. См. *Strabo*, IV, 4, 4.

⁸⁷ *Caesar*, VI, 13: «(Druides) considunt in loco consecrato. Huc omnes undique qui controversias habent conveniunt».

⁸⁸ *Ibid.*: «Eorumque iudiciis parent».

⁸⁹ *Ibid.*: «Sacrificiis interdicunt». Глассон полагает, что друиды были уполномочены назначать наказания, например изгнание, изувечение, смерть («*Hist. du droit*», I, 126); автор ссылается в подтверждение своих слов на Цезаря (V, 53, 54 и 56); но если обратимся к означенным текстам, то увидим, что в указанных местах говорится о судебных приговорах, произносимых магистратами или вообще правительствами, а не друидами. Что же касается наказаний, производившихся ими над людьми, которые оказывались «in furto aut latrocinio comprehensi» (см. *Caesar*, VI, 16), то из текста видно только, что такие преступники посвящались как бы в жертву богам, и друидам предоставлялось совершение казни над ними; но нельзя выводиться отсюда, что они сами при этом вели процесс и произносили приговор.

⁹⁰ *Caesar*, VI, 13: «Quibus ita est interdictum... his omnes decedunt, aditum sermonemque defugiunt, neque his petentibus ius redditur neque honos ullus communicatur».

⁹¹ Связь мыслей Цезаря в этой фразе, очевидно, заключается в том, что никто не хотел иметь соприкосновения с таким человеком, а потому общественное судилище было ему недоступно так же, как частные жилища, так же, как самые народные

намекает на другую юрисдикцию, кроме друидической, как намекал уже и в раньше приведенных словах: «Они разбирают почти все процессы».

Итак утверждать вслед за некоторыми учеными⁹², что у галлов не существовало никакой государственной организации суда для ведения процессов и наказания преступлений, значило бы идти слишком далеко. Необходимо ограничиться констатированием того, что природа их судебного устройства и формы судопроизводства остаются нам неизвестны, ибо Цезарю не было повода специально о них говорить. Можно только прибавить к этому, что галлы обыкновенно предпочитали правосудие друидов государственной юстиции. Очевидно, что последняя была плохо организована; осуществляясь в жестоких формах или проникнутая лицепритием, она допускала утеснение слабого сильным, «плебея – магнатом»⁹³ и вселяла поэтому мало доверия. Это обстоятельство объясняет сразу и могущество друидов, и развитие патроната и клиенты, о которых придется говорить ниже.

собрания.

⁹² См. например, *D'Arbois de Jubainville*, Des attributions judiciaires de l'autorité publique chez les Celtes, в «Revue celtique», VII (tirage à part, 2–5).

⁹³ *Caesar*, VI, 13: «Iniuria potentiorum premuntur».

Глава третья

О различных классах галльского общества

Общество галльское было сильно отмечено аристократизмом, и в нем образовались очень значительные неравенства.

Прежде всего в самом низу социальной лестницы находились рабы⁹⁴. Цезарь и Диодор несколько раз упоминают о них. Цезарь обозначает их тем же названием, каким он именует римских рабов – *servi*, и он не замечает, чтобы существовало какое-нибудь различие между рабским состоянием в Галлии и в Италии⁹⁵. Он указывает, впрочем, на один оригинальный племенный обычай, однако, как кажется, не очень древний: когда умирал господин, на его погребальном костре сжигали нескольких из его рабов⁹⁶. В Галлии, как и в Риме, раб был предметом собственности; господин мог его продать. Итальянские купцы находили выгодным покупать таких галльских рабов, и, если верить Диодору, число их было так велико в Галлии, и они ценились там так низко, что господа охотно отчуждали раба за ведро вина⁹⁷.

Цезарь указывает еще один класс людей, которых он называет «задолженными»⁹⁸. Мы недостаточно знакомы с галльским правом, чтобы уяснить себе, каковы были у них долговые законы. Оба намека, которые встречаются по этому поводу у Цезаря, побуждают думать, что долги вели в Галлии почти неизбежно к рабству или по крайней мере ставили человека в очень зависимое положение⁹⁹. Галльские богачи часто представляются окруженными толпами «должников», которые повиновались им, «как повинуются господину»¹⁰⁰. У галлов применялся также обычай отпуска на волю¹⁰¹ (и, стало быть, существовал класс вольноотпущенников).

Что касается свободных людей, то возможно, что по праву или в теории они были все равны между собою. Но на деле между ними выросли глубокие различия. Цезарь неоднократно говорит о людях, чрезвычайно богатых. Он называет нам, например, одного гальвета, которому принадлежало более десяти тысяч слуг-рабов¹⁰², затем одного эдуа, который был достаточно богат, чтобы вооружить на свой счет многочисленный отряд конницы¹⁰³. Особенно же часто указывает он на родовую знать¹⁰⁴. Почти никогда не представляет Цезарь нам галла, не определив, какое место он занимал в иерархии знатности. Одно замечание его особенно поражает нас: известно, что в римском обществе во времена Цезаря члены привилегированных классов обозначались тремя эпитетами, которые были все три почетными, но не в одинаковой степени:

⁹⁴ Chambellan отрицает это. См. «Etudes sur l'hist. du droit français» (1848), p. 220–223.

⁹⁵ Цезарь три раза говорит о *servi*. См. V, 4S; VI, 19; VIII, 30.

⁹⁶ *Caesar*, VI, 19: «*Servi... quos ab iis dilectos esse constabat, iustus funeribus confectis, una cremabantur*». Он прибавляет, что это обыкновение возникло за некоторое время до его эпохи («*paulo supra hanc memoriam*»).

⁹⁷ *Diodor*. V, 26.

⁹⁸ *Caesar*, I, 4: «*Orgetorix... omnes... obaeratos suos, quorum magnum numerum habebat...*»

⁹⁹ *Ibid.* VI, 13: «*Plerique, cum aere alieno premuntur... sese in servitutem dicant nobilibus*».

¹⁰⁰ *Ibid.* «*In hos eadem sunt iura, quae dominis in servos*». Возможно, что здесь идет речь лишь о временной кабале сроком до возвращения долга. Быть может, что такой вид рабства исключал право продажи за пределы страны. Но, за неимением данных, тут приходится ограничиваться одними догадками.

¹⁰¹ Цезарь (или Гиртий) два раза упоминает о нем. См. V, 48: «*Hic (дело идет об одном человеке из племени нервиев) servo spe libertatis persuadet, ut litteras ad Caesarem deferat*». Cp. VIII, 30: «*Drappetem Senonem, servis ad libertatem vocatis*». Автор не описывает, впрочем, ни способов, ни правовых последствий освобождения.

¹⁰² *Caesar*, I, 4: «*Orgetorix omnem suam familiam, ad hominum milia decem, undique coegit*». Известно, что по-латыни слово *familia* обозначает всю совокупность рабов данного лица, со включением иногда и других зависимых слуг, близких к рабству.

¹⁰³ *Ibid.* I, 18: «*Dumnorigem... suam rem familiarem auxisse et facultates magnas comparasse; magnum numerum equitatus suo sumptu semper alere...*»

¹⁰⁴ *Ibid.* VII, 32: «*Cotum, antiquissima familia natum, atque ipsum hominem summae potentiae et magnae cognationis*».

это были прозвания – *honestus*, *illustris* и *nobilis*. Цезарь применяет эти три титула и к галлам¹⁰⁵. Он, стало быть, видел или предполагал в галльском обществе ступени знатности, аналогичные тем, которые находил в своей стране.

Каково было первоначальное происхождение знати у галлов? Автор не высказывает об этом никакого собственного мнения. Мы можем догадываться, что оно связывалось с древнейшим (и уже исчезнувшим) клановым строем. Во всяком случае, еще во времена Цезаря она составляла наследственную касту. Цезарь обозначает ее еще двумя именами, которые были одинаково употребительны в Риме, – *nobilitas*¹⁰⁶ и *equitatus*¹⁰⁷ – нобилитет и всадничество. Может быть, эти два слова, когда прилагаются к галлам, не всегда являются у Цезаря синонимами; мы склонны думать, что они должны были характеризовать две неравные степени знатности внутри высшего класса¹⁰⁸.

Весь этот класс, если судить по примерам, представляемым Цезарем, был одновременно и аристократией богатства, и воинской знатью. Ясно, что он черпал свою силу сразу и в блеске рождения, и во власти над землей, и в обладании оружием¹⁰⁹. Поэтому он пользовался большим могуществом в государстве¹¹⁰. Он составлял значительное большинство в составе сената каждого народа, и весьма вероятно, что все гражданские магистратуры так же, как предводительство на войне, принадлежали его членам¹¹¹.

Рядом с военной знатью в галльском обществе стояло жреческое сословие. Друиды производили сильное впечатление на воображение древних. Авторы приписывают им таинственное учение о бессмертии и переселении душ, которое отличалось будто бы большою возвышенностью и духовностью¹¹². Историческая критика по некоторым соображениям подвергает сомнению факт существования подобного рода высокой доктрины у друидов. Можно считать достоверным и доказанным только то, что друиды сложились в крепко сплоченное жречество. Нужно сказать, что учреждение такого характера достойно серьезного внимания историка, так как другого аналогичного примера не встречается более у древних народов Европы.

¹⁰⁵ *Caesar*, V, 45: «Nervius nomine Vertico, loco natus honesto»; VII, 32: «Convictolitavem, illustrem adolescentem»; VI, 19: «Illustri loco natus»; VI, 13: «Nobilibus»; I, 2: «Nobilissimus Orgetorix»; I, 31: «Nobilissimi cuiusque liberos»; I, 18: «Homini nobilissimo ac potentissimo»; I, 7: «Nobilissimos civitatis (у Гельветов)»; I, 31: «Nobilissimos civitatis» (у секванов); I, 31: «Omnem nobilitatem» (у эдуев); II, 6: «Iccius summa nobilitate» (у ремов); VII, 67: «Tres nobilissimi Aedui».

¹⁰⁶ *Ibid.* I, 31: «Omnem nobilitatem»; V, 6: «Ut Gallia omni nobilitate spoliaretur»; VII, 12: «Omni nobilitate Aeduorum interfecta». Понятие *nobilitas* противопоставляется понятию *plebs*. См. V, 3: «Ne omnis nobilitatis discessu plebs propter imprudentiam laberetur».

¹⁰⁷ *Ibid.* I, 31: «Omnem equitatum»; VII, 38: «Omnis equitatus»; VI, 13: «Genus equitum»; VI, 15: «Alterum genus est equitum». Нет надобности, разумеется, предупреждать, что Цезарь употребляет попеременно слово *equitatus* то в смысле всаднического сословия, то в смысле конницы, в последнем даже гораздо чаще при рассказе о битвах.

¹⁰⁸ Такое различие, на наш взгляд, достаточно ясно обозначается в текстах, подобных следующим: «Aeduos omnem nobilitatem, omnem equitatum amisisse» (I, 31); «omnis noster equitatus, omnis nobilitas interiit» (VII, 38).

¹⁰⁹ *Caesar*, VI, 15: «Hi... omnes in bello versantur; atque eorum ut quisque est genere copiisque amplissimus, ita plurimos circum se ambactos clientesque habet». В данном отрывке сближены все три элемента знатности – оружие (*bellum*), родовитость (*genus*), богатство (*copiae*). Кроме того, можно вспомнить в виде примеров Думнорикса, Кота, Индутиомара, Амбиорикса и самого Верпингеторикса.

¹¹⁰ Все личности, которых Цезарь изображает как могущественных вождей, принадлежат к этому классу, даже те из них, которые, как например, Думнорикс, опирались на простой народ. Цезарь очень часто сближает понятия могущества и знатности: «Homini nobilissimo ac potentissimo» (I, 18); «antiquissima familia natum, hominem summae potentiae» (VII, 32). Он противопоставляет *potentes* и *plebs* (VI, II; 13), точно так же, как последнее понятие и *nobilitas* (V, 3). Он говорит еще, что галлы не знали другого могущества, кроме власти всадника, достаточно богатого, чтобы создать вокруг себя многочисленную свиту: «Hanc unam potentiam poverunt» (VI, 15). Ясно, впрочем, что надо сделать ограничение в пользу друидов, а также в пользу народных групп, о которых речь будет впереди.

¹¹¹ Это вытекает с полной очевидностью из того, что Цезарь говорит о галльском простом народе. См. VI, 13.

¹¹² *Caesar*, VI, 14: «Volunt persuadere non interire animas, sed ab aliis post mortem transire ad alios». *Diodor.* V, 28; 31; этот писатель называет их «φύλοσοφοι καὶ θεόλογοι». Ср. *Strabo*, IV, 4, 4 (ed. Didot, p. 164); *Timagen.* (ap. *Amm. Marc.* XV, 9); *Pompon. Mela*, III, 1.

Это жречество не было, однако, наследственной кастой, какие встречались в Индии. Оно не являлось также простой совокупностью отдельных жрецов, как было в Греции, или не зависимых друг от друга коллегий, как в Риме. Галльские друиды составляли настоящую единую корпорацию. Они выработали свои догматы, которые были сформулированы в нескольких тысячах стихов¹¹³, но передавались лишь устно; именно в силу того факта, что они не были записаны, изречения друидов приобретали особую святость в глазах толпы¹¹⁴. Сословие друидов пополнялось новыми членами при помощи долгого послушничества, так что никто не вступал в состав жречества иначе как после продолжительного искуса, в течение которого душа испытуемого дрессировалась по воле старших¹¹⁵. У друидов установлена была твердая внутренняя дисциплина и стройная иерархия¹¹⁶. Во главе их, наконец, стоял единый начальник, который не назначался государством, а избирался ими самими¹¹⁷. Это жречество стояло совершенно независимо от всякой гражданской власти. Оно помещалось, так сказать, вне галльских племен и как бы даже возвышалось над ними.

Такая крепкая организация придавала друидизму большое значение в мнении жителей Галлии. Проникнув в страну, возможно, с Британских островов¹¹⁸, оно, по-видимому, подавило довольно скоро все местные жреческие коллегии; по крайней мере мы не находим в памятниках, которые оставлены нам древними¹¹⁹, никаких следов существования последних. Оно захватило себе монополию всех религиозных функций, и римлянина сильно поражал тот факт, что никакое священное действие ни в семье, ни в государстве не могло быть совершено без присутствия друида¹²⁰. Нельзя, как кажется, предполагать, чтобы вся галльская религия была создана друидизмом, но нужно думать, что друидизм в известную эпоху наложил на нее свою властную руку¹²¹.

Друиды присвоили себе даже высшее право отлучения человека от культа, У древних греков и римлян также практиковались подобного рода отлучения, Оно составляло сущность того, что у них называлось *ἀτιμία* или *infamia*¹²². Но в классическом мире только одно государство могло произносить такую кару. В Галлии же друиды, если были недовольны каким-нибудь лицом или даже целым народом, сами запрещали ему присутствовать и участвовать во всяких религиозных обрядах¹²³. Это оружие в их руках было страшно благодаря той вере,

¹¹³ Систему этих догматов Цезарь обозначает словом *disciplina*, т. е. «наука», «изучаемое». См. VI, 14: «Magnum ibi numerum versuum ediscere dicuntur».

¹¹⁴ *Caesar*, VI, 14: «Neque fas esse existimant ea litteris mandare... quod neque in vulgum disciplinam efferi velint».

¹¹⁵ *Ibid.* VI, 14: «Multi in disciplinam conveniunt et a parentibus propinquisque mittuntur. Magnum numerum versuum ediscere dicuntur. Itaque annos nonnulli vicienos in disciplina permanent».

¹¹⁶ Страбон (IV, 4) различает между ними три категории: бардов, которые воспевают гимны; *vates*, которые совершают обряды культа, и друидов, в собственном смысле, которые являются руководителями и учителями всей корпорации.

¹¹⁷ *Caesar*, VI, 13: «Omnibus druidibus praest unus, qui summam inter eos habet auctoritatem. Hoc mortuo, aut, si quis ex reliquis excellit dignitate, succedit, aut, si sunt plures pares, suffragio druidum, nonnunquam etiam armis de principatu contendunt».

¹¹⁸ Такое предположение, по крайней мере, высказывается Цезарем (VI, 13): «Disciplina in Britannia reperta». Впрочем, утверждать это он не берется («existimatur»).

¹¹⁹ Цезарь во всем сочинении о Галльской войне упоминает о «sacerdotes» только один раз, именно в том месте (VII, 33), где рассказывает, что какой-то магистрат был «creatus per sacerdotes more civitatis». Впрочем, и здесь трудно быть уверенным, что жрецы, о которых идет речь, не те же друиды.

¹²⁰ *Caesar*, VI, 13: «Illi (druides) rebus divinis inter sunt, sacrificia publica ac privata procurant, religiones (обряды культа) interpretantur»; VI, 16: «Administris ad ea sacrificia druidibus utuntur». Диодор (V, 31) также сообщает, что никто не имеет права совершить жертвоприношение в отсутствие друида.

¹²¹ Таково выражение Цезаря: «Rebus divinis praesunt». Отмечая отличие германских религиозных обычаев от галльских, он говорит: «Neque druides habent, qui rebus divinis praesint» (VI, 21). Нам кажется невозможным установить, в какую эпоху образовалось друидическое жречество; обыкновенно принимают, впрочем, что возникновение его не относится к очень глубокой древности. Невозможно также определить, которые из галльских богов созданы были друидизмом. Напомним еще, что влияние его, по всей вероятности, не распространилось на Аквитанию, Нарбоннскую Галлию и Прирейнский край.

¹²² Мы показали это в труде нашем «*La cité antique*». См. кн. III, гл. 12–13.

¹²³ *Caesar*, VI, 13: «Qui aut privatus aut populus eorum decreto non stetit, sacrificiis interdicunt».

которую питало к ним население. «Люди, которым запрещен культ, причисляются к нечестивцам и преступникам; их сторонятся, избегают их приближения, боятся даже слушать их слова; опасаются быть оскверненными их прикосновением; для них нет более правосудия, и никакая гражданская должность им не доступна»¹²⁴.

Обладая таким великим могуществом и благодаря главным образом строгой дисциплине, которая их крепко сплачивала среди недисциплинированных племен, друидическое жречество приобретало громадную власть над гражданским обществом. Оно организовалось в монархических формах среди всеобщего разъединения и потому стало высшею силою в стране. «Весь народ был подчинен друидам»¹²⁵. Тексты не устанавливают в точности, что подобная власть жрецов была утверждена племенными законами или что она являлась составным элементом государственного устройства. Все, что мы знаем о друидах, это то, что они пользовались «большим почетом»¹²⁶.

Поэтому они присвоили себе ценные фактические привилегии. Повсюду они были освобождены от налогов на имущество и избавлены от личной воинской службы¹²⁷. Может быть, они входили в состав местных сенатов, как утверждают все новейшие историки¹²⁸; но ни Цезарь, ни какой другой древний писатель этого не говорят. Им, вероятно, не нужно было вступать в сенат или отправлять магистратуры, чтобы быть всемогущими¹²⁹.

Как было указано выше, друиды чинили суд и расправу. Хотя Цезарь и не говорит, чтобы закон давал им право судить, но он представляет их юрисдикцию как общераспространенное явление. «Они рассматривают почти все тяжбы как между народами, так и между частными лицами; совершено ли преступление, как например, убийство, поднимается ли спор о наследстве или о границах собственности, – во всех этих случаях они произносят решение; они назначают вознаграждения и пени»¹³⁰. В определенное время в стране карнутов они открывают свои судилища в месте, освященном религией; туда сбегаются со всех концов те, у кого происходили какие-нибудь споры, и, когда друиды рассмотрят дело и постановят решение, все повинуются ему»¹³¹. Таким образом, судящиеся сами обращались к друидам. Правосудие само шло к ним. Цезарь восхищается, не без изумления, этими жрецами, которые, не обладая ни тем, что римляне называли *imperium*, ни тем, что разумелось под именем *ius gladii*, тем не менее умели заставить уважать свои приговоры. Он объясняет это так: хотя судившийся, который являлся перед ними, и мог отвергнуть их решение¹³² и удалиться свободным, но он уносил с собою тогда произнесенное друидами над ним отлучение, и жизнь с тех пор становилась для него невыносимой. Их юрисдикцию можно было назвать безапелляционной, потому что недо-

¹²⁴ *Ibid.*: «Haec poena apud eos est gravissima. Quibus ita est interdictum, hi número impiorum ac sceleratorum habentur; his omnes decedunt, aditum sermonemque defugiunt, ne quid ex con tagione incommodi accipiant, neque his petentibus ius redditur neque honos ullus communicatur».

¹²⁵ *Diodor.* V, 31.

¹²⁶ *Caesar*, VI, 13: «Magno hi (druides) sunt apud eos (Galios) honore». *Strabo*, IV, 4, 4. *Diodor.* V, 31.

¹²⁷ *Caesar*, VI, 14: «Druides a bello abesse consueverunt, neque tributa cum reliquis pendunt; militiae vacationem omniumque rerum habent immunitatem».

¹²⁸ Если цитировать только самых последних из них, можно упомянуть, что таково мнение *Desjardins* («Géogr. de la Gaule», II, 529; 538) и *Glasson* («Hist. du droit français», I, 98): «Сенат каждого народа составлялся из знатных и жрецов».

¹²⁹ Цезарь, который называет многих лиц, пользовавшихся влиянием в государстве, и многих магистратов, ни разу не говорит, чтобы кто-нибудь из них был друидом. Новые историки склонны думать, что эдуй Дивитиак был друидом; но сам Цезарь, который находился с ним в постоянных сношениях, нигде не указывает на такое его звание.

¹³⁰ *Caesar*, *Ibid.*: «Hi certo anni tempore, in finibus Carnutum considunt in loco consecrato. Huc omnes undique qui controversias habent conveniunt, eorumque decretis iudiciisque parent».

¹³¹ *Caesar*, VI, 13: «Fere de omnibus controversiis publicis privatisque constituunt, et si quod est admissum facinus, si caedes facta, si de finibus controversia est, iidem decernunt; praemia poenasque constituunt». *Strabo*, VI, 4, 4.

¹³² *Caesar*, VI, 13: «Si qui s corum decreto non stetit». Слова Цезаря хорошо показывают, что человек, которого они осудили, может по доброй воле уйти, не подчинившись их приговору.

вольный, как отлученный от религии, не находил другого суда, который согласился бы пересмотреть его дело¹³³.

Таково было могущество друидического жречества, по крайней мере если следовать тому, что сообщает Цезарь в двух посвященных вопросу главах его сочинения. Надо, впрочем, сознаться, что убедительность этих двух глав сильно ослабляется остальными частями «Записок о Галльской войне». Не следует упускать из вида того обстоятельства, что Цезарь нигде ничего больше не говорит о друидах. В истории тех восьми лет, когда ставились на карту все интересы Галлии, когда всякого рода силы и все различные общественные элементы страны должны были так или иначе проявить себя, друиды не обнаруживаются ни разу. Цезарь упоминает о многочисленных раздорах между галлами; друиды никогда не являются ни активными участниками в них, ни примирителями борющихся сторон. Цезарь отмечает равным образом несколько судебных разбирательств, и ни в одном из них друиды не выполняют функции правосудия. Когда два эдуа оспаривают раз один у другого высшую магистратуру, они обращаются к посредничеству не друидов, а Цезаря¹³⁴. В нескольких государствах иногда сталкиваются две партии; не видно, чтобы друиды поддерживали ту или другую или хотя бы старались восстановить мир¹³⁵. Когда становится на очередь еще более важный вопрос о независимости или подчинении Галлии, нет возможности узнать, стоят ли они за независимость или за подчинение. Цезарь никогда не ведет с ними переговоров. Они не с ним, но и не с Верцингеториксом. В том большом собрании, на котором представители галльских городов подготовили общее восстание и произнесли клятву на военных знаменах, друиды не присутствовали¹³⁶. Мы их не видим ни в Герговии, ни в Алезии.

Есть, стало быть, основания отнестись с некоторою сдержанностью к показаниям Цезаря о друидах и особенно предостеречь себя против преувеличений, которые современные историки построили на одном этом свидетельстве. Сказать, что «друидам принадлежала огромная доля в управлении Галлией»¹³⁷

¹³³ *Ibid.*: «Neque his petentibus ius redditur».

¹³⁴ *Caesar*, VII, 32: «Legati ad Caesarem principes Aeduorum veniunt oratum, ut civitati subveniat... quod duo magistratum gerant et se uterque eorum legibus creatum esse dicat».

¹³⁵ *Desjardins* (*Géographie de la Gaule romaine*, II, 529) представляет «знать и жречество объединенными в один союз». Утверждение это не опирается ни на один текст. Цезарь говорит только (VI, 13), что в галльском обществе есть два влиятельных класса – всадники и друиды, но он не прибавляет, что они находились в тесной солидарности друг с другом». Об этом мы ничего не знаем.

¹³⁶ *Caesar*, VII, 1, 2: «Principes Galliae indictis inter se conciliis, silvestribus ac remotis locis... Profitentur Carnutes se nullum periculum communis salutis causa recusare... et quoniam inpraesentia obsidibus cavere inter se non possint, ne res efferatur, ut iureiurando ac fide sanciantur, petunt, collatis militarium signis, quo more eorum gravissima caerimonia continetur...» Предвзятые идеи так могущественно действуют на некоторые умы, что и в приведенном тут тексте, в котором нет даже упоминания о друидах, находили доказательство их влияния. Вот как толкует его Мишле («Histoire de France», I, 63, изд. 1835 года): «Друиды и клановые начальники пришли первый раз к соглашению. Сигнал был дан из друидической земли карнутов, то есть из Генаба». В указанных двух главах Цезаря нет ничего подобного. Он даже не говорит, что это тайное собрание «в глубине лесной» имело место на территории карнутов. Даже если предположить, что оно происходило именно там, дело не изменится, так как ниоткуда не видно, чтобы карнуты были подчинены власти друидов более, чем другие племена. Цезарь часто говорит о карнаутах и их внутреннем строе, но никогда не придает друидам никакой специальной роли у них. Если друиды и держали свои судебные собрания в каком-нибудь пункте страны карнутов, это также ничего не доказывает. Во всяком случае, Цезарь даже не говорит, что упомянутая знаменитая мятежная сходка действительно собиралась в их земле. Клятва на военных знаменах сама по себе не представляет ничего друидического так как друиды «a bello abesse consueverunt» (LVI, 14).

¹³⁷ *Desjardins*. *Géographie de la Gaule*, II, 529.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.